

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ:
ПРОБЛЕМА «ОТВЕТСТВЕННОГО ЛИДЕРСТВА»
(СРЕДНЕСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ)

Москва
ИМЭМО РАН
2011

УДК 327(5)
338.27(5)
ББК 65.23(55)
66.2(5)
Тихо 462

Серия “Библиотека Института мировой экономики и международных отношений”
основана в 2009 году

Отв. ред. – В.Б. Амиров, В.В. Михеев

Тихо 462

Тихоокеанская Азия: проблема “ответственного лидерства” (среднесрочный прогноз экономического и политического развития / Отв. ред. – В.Б. Амиров, В.В. Михеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 89 с.

ISBN 978-5-9535-0324-2

В сборнике рассматривается тема ответственного лидерства в Тихоокеанской Азии (ТА). Анализируются причины, выдвинувшие эту тему на первый план. Среди них – поиск механизмов создания единого интеграционного поля для всех экономик АТР. При этом наиболее интенсивно интеграционные процессы продвигаются в ТА. Учитывая разнообразие присутствующих здесь государств, эти процессы развиваются в разноскоростном и разноформатном режимах. К ним, прежде всего, относятся форум Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество и Восточноазиатские саммиты как наиболее представительные по охвату государств региональные форматы экономического и политического взаимодействия. Однако наиболее важными с точки зрения практического воплощения в жизнь интеграционных процессов является действующая с 2010 г. Зона свободной торговли Китай–АСЕАН и взаимодействие в треугольнике Китай–Япония – Южная Корея. Именно поэтому на первом этапе раскрытия темы ответственного лидерства в жизненно важном для России регионе в фокусе оказались среднесрочные перспективы развития указанных основных игроков Тихоокеанской Азии.

Pacific Asia: a «responsible leadership» challenge (mid-term outlook for economic and political development).

This collection of articles deals with the newly emerge subject of responsible leadership in Pacific Asia. Authors analyze reasons pushing this topic to the forefront. Among those reasons they particularly picked up is a searching for mechanisms to shape united space for integration of all Asia Pacific economies. So far integration processes are developing most actively in Pacific Asia in various modes and formats taking into account a diversity of the States present here. Asia Pacific Economic Cooperation and East Asian Summit are most representative economic and political formats in the region judging by their memberships. But from the point of view of practical promotion of integration processes China-ASEAN Free Trade Area (in force since 2010) and interaction within China-Japan-South Korea triangle are currently the most important. That is why at the initial stage of exploring a new subject of responsible leadership in the extremely vital for Russia region of Pacific Asia authors turned their focus to mid-term perspective of developing above-mentioned regional key players.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0324-2

© ИМЭМО РАН, 2011

Содержание

Введение.....	4
С.А. Луконин, Ю.С. Сафронова. Китай после глобального кризиса	8
В.Г. Швыдко, Е.Л. Леонтьева, К.Р. Вода. Япония: смена вех и новые вызовы....	21
А.Н. Федоровский. Республика Корея: от кризиса к обновлению.....	57
Е.А. Канаев. Юго-Восточная Азия: среднесрочный сценарий развития.....	74

Введение.

Тема ответственного лидерства в Тихоокеанской Азии (ТА) актуализируется по следующим причинам, решающим образом изменяющим конфигурацию сил не только в ТА, но и в еще более обширном Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР).

Первое. В формате АТЭС пока не удалось достичь соглашения о свободной торговле и создать единое интеграционное поле для всех экономик АТР. А наиболее интенсивно интеграционные процессы развиваются в ТА, причем, что естественно, учитывая разнообразие присутствующих здесь государств, в разнотемповом и разноформатном режимах. Наиболее ощутимые результаты достигнуты по вектору Китай – АСЕАН, в 2010 г. запустивших соглашение о свободной торговле. Напротив, задерживается оформление аналогичных соглашений по линии АСЕАН – Япония и АСЕАН – Южная Корея, хотя работа по ним идет.

Соответственно, тормозится оформление экономических отношений в формате АСЕАН+3 (Китай, Японии и Южная Корея), который практически покрывает всю Восточную Азию.

Ситуация складывается таким образом, что наиболее значимым для ТА был бы прогресс в переговорах по свободной торговле, инвестиционной и финансовой интеграции между Китаем, Японией и Южной Кореей (СВА-3). В настоящий момент развитие многоплановых торгово-экономических связей в рамках этой тройки и их институциональное оформление представляется наиболее перспективным.

Появляются и актуализируются также относительно новые переговорные форматы.

Развивается запущенный в 2005 г. механизм Восточноазиатских саммитов (ВАС), ориентированный на создание Восточноазиатского Сообщества. Помимо государств АСЕАН и тройки Северо-Восточной Азии, с самого начала в саммитах принимали участие Австралия, Новая Зеландия и Индия. С 2011 г. к ним присоединились США и Россия.

В самое последнее время Соединенные Штаты активизировали усилия по продвижению идеи т.н. Транстихоокеанского партнерства (ТПП), которое в настоящий момент имеет формат переговорного процесса об очень широком по охвату вопросов и очень глубоком по степени координации и гармонизации экономическом соглашении. Идея это развивалась постепенно после азиатского кризиса 1997-1998 гг., как и вышеупомянутые форматы. В процесс формирования ТПП первоначально оказались вовлечены Сингапур, Новая Зеландия, Чили и Бруней. Соглашение об экономическом партнерстве между ними вступило в силу 1-го января 2006 г. В течение 2008 г. к процессу

переговоров о ТПП подключились Соединенные Штаты, Австралия, Вьетнам и Перу. Но из-за смены администрации в США первый раунд переговоров в составе 8-ки состоялся лишь в марте 2010 г.¹

В октябре 2010 г. было объявлено о присоединении к процессу переговоров по ТПП Малайзии. А в ноябре 2011 г., не без сильного нажима Вашингтона, которому в рамках ТПП необходима вторая экономическая величина первого класса, в переговоры решила вступить и Япония. Одновременно интерес к переговорам выразили Канада и Мексика – партнеры США по НАФТА.

Второе. В ТА происходят стратегические изменения в соотношении сил между региональными лидерами за счет качественно новой роли Китая:

- по объему ВВП Китай обгоняет Японию,
- по результатам мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. Пекин приобретает имидж «спасителя» азиатско-тихоокеанской и в целом мировой экономики,
- КНР добивается прорыва в развитии космической программы (пилотируемые полеты, планы создания собственной орбитальной станции, космической навигационной системы и т.п.) и в военном строительстве (первый авианосец, разработка самолета «5-го поколения») и т.д.

Превращение Китая в нового регионального лидера требует уточнения содержания его отношений с традиционными «центрами силы» – США и Японией и с другими странами региона. Новое место Китая в ТА не однозначно позитивно воспринимается его соседями.

Третье. В 2011 г. США активно обозначали свое «возвращение» в Тихоокеанский регион, из которого они, правда, никуда не уходили, но теперь речь идет о придании ему особого места в политике страны:

- ✓ Как уже отмечалось, Вашингтон активно раскручивает идею ТПП, выдавая ее за первую тихоокеанскую инициативу собственно администрации Обамы,
- ✓ Х. Клинтон выдвигает идею создания нового пространства Транстихоокеанской безопасности (ТТБ) по аналогии с Трансатлантической системой безопасности, строившейся в течение десятилетий после второй мировой войны в противовес Советскому Союзу. Характерно, что в контексте ТТБ Россия пока не упоминается,

---

¹ No Ordinary Deal. (Unmasking the Trans-Pacific trade agreement). Edited by Jane Kelsey. Allen & Unwin, 2010, P.14-18.

- ✓ Администрации Обамы отдельно делает акцент на военном аспекте ТТБ (в частности, объявляя об активизации военного сотрудничества с Австралией), хотя это и не является особо новым явлением, поскольку определенные планы в этом направлении были разработаны и начали осуществляться еще при первой администрации Дж. Буша-мл. (министр обороны – Д. Рамсфельд).

Четвертое. Обозначается стремление т.н. стран «средней силы» (middle powers) иметь больший вес в решении региональных проблем. Четких критериев для отнесения к этой категории тех или иных государств нет, но очевидно, что речь идет об определенном уровне совокупного экономического и военно-политического потенциала. В ТА к таким государствам, прежде всего, относят Австралию, Индонезию и Южную Корею.

Двойственная, промежуточная позиция у Японии: в экономике – это один из региональных и мировых лидеров, а в политике – скорее, «средняя сила», чем супердержава.

Приведенные соображения заставляют по-новому ставить вопросы о взаимодействии лидеров ТА друг с другом и с остальными игроками региона. Ключ к пониманию новой региональной конфигурации сил видится в раскрытии темы **ответственного лидерства.**

Речь, прежде всего, идет:

- о развитии экономики и политической ситуации стран-лидеров и стран «средней силы»,
- о динамике отношений между лидерами,
- о модели лидерства, приемлемой для региона ТА,
- наконец, о месте России. Саммит АТЭС 2012 г. действительно дает новый импульс российской политике в ТА. Однако важно не утратить набираемую динамику российского вхождения в ТА и после 2012 г.

Глобализация придает концепции глобального и регионального лидерства новый смысл. Лидер – это уже не вождь сателлитов, которые в обмен на помощь и гарантии безопасности, поддерживают его в противостоянии с другим лидером, имеющим, в свою очередь, своих сателлитов. Так было ранее – во времена реальных войн и «холодной войны».

Лидер – это тот, кто способен нести ответственность за общемировое и региональное развитие.

Поэтому для ответственного лидерства той или иной державе:

- важно иметь потребность видеть и формулировать свои национальные интересы в контексте интересов стран-партнеров, пусть одновременно и конкурентов, но не врагов, *а также* в контексте общемировых и региональных рисков, вызовов и возможностей;

- важно обладать необходимым ресурсным потенциалом для выполнения своей миссии

- и быть способным реализовывать по-новому сформулированные собственные интересы через компромиссные и кооперационные механизмы.

В этой связи стратегически значимым представляется вопрос о том, кто из традиционных и новых лидеров ТА может и в какой мере претендовать на роль ответственного регионального лидера.

Предлагаемая работа представляет собой первый шаг на пути осмысления и раскрытия темы ответственного лидерства в жизненно важном для России регионе ТА, уделяя на этом первом этапе главное внимание среднесрочным перспективам развития основных игроков Тихоокеанской Азии.

С.А. Луконин, Ю.С. Сафронова

КИТАЙ ПОСЛЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

В среднесрочной перспективе 5-7 лет экономика Китая, скорее всего, будет развиваться в условиях нестабильности, которая в целом обусловлена последствиями глобального финансового кризиса, а в частности:

- продолжающимся долговым кризисом в зоне евро,
- медленным выходом экономики США из кризиса,
- прогнозируемым замедлением экономического роста стран с развивающимися рынками,

В дополнение к этим факторам возможно резкое повышение цены на нефть из-за введения санкций против Ирана, а также снижение китайского экспорта в ЕС из-за неблагоприятной общеэкономической ситуации. Кроме того, постепенное удорожание юаня также будет сдерживать общее увеличение объемов китайского экспорта.

В результате темпы прироста китайского ВВП несколько сократятся.

За замедление темпов прироста ВВП выступает и само китайское правительство. Еще в 2010 г. им было заявлено, что для более сбалансированного роста экономики, смягчения существующих дисбалансов (между отдельными отраслями, провинциями, в распределении доходов и т.п.) необходимо определенное охлаждение экономики. Считается, что для этого будет достаточно падение темпов ежегодного прироста ВВП примерно до 8%. Некоторые эксперты считают, что в 2011-2015 гг. они могут быть еще ниже – около 7,5%². Однако, это маловероятно.

Во-первых, во второй половине 2012 г. начинается процедура выборов нового главы Китая (сначала генсеком КПК, а затем председателем КНР). Власти не пойдут на резкое снижение темпов прироста ВВП, т.к. это провоцирует безработицу, которая является одной из причин периодически вспыхивающих массовых акций протеста.

Во-вторых, темпы прироста ВВП в районе 8% и чуть выше будут поддерживаться за счет увеличивающихся потребительских расходов. Стимулирование внутреннего

---

² <http://www.reuters.com/article/2012/01/06/china-economy-gdp-idUSL3E8C613G20120106>

потребления с некоторых пор является официальной политикой руководства Китая – бóльшая часть товаров произведенных в стране должна потребляться на внутреннем рынке для уменьшения зависимости от того как складывается конъюнктура на внешних рынках.

В-третьих, поддержание и дальнейшее развитие созданной за время экономических реформ промышленной и социальной инфраструктуры, особенно транспортной, что в условиях Китая чрезвычайно важно, требует огромных финансовых вложений, а они невозможны без стабильно растущего, причем соответствующими темпами «экономического пирога».

В-четвертых, объявленная на государственном уровне программа развития экономически отсталых внутренних районов Китая также потребует осуществления крупных инвестиций, которые намечено осуществлять преимущественно за счет государственных средств.

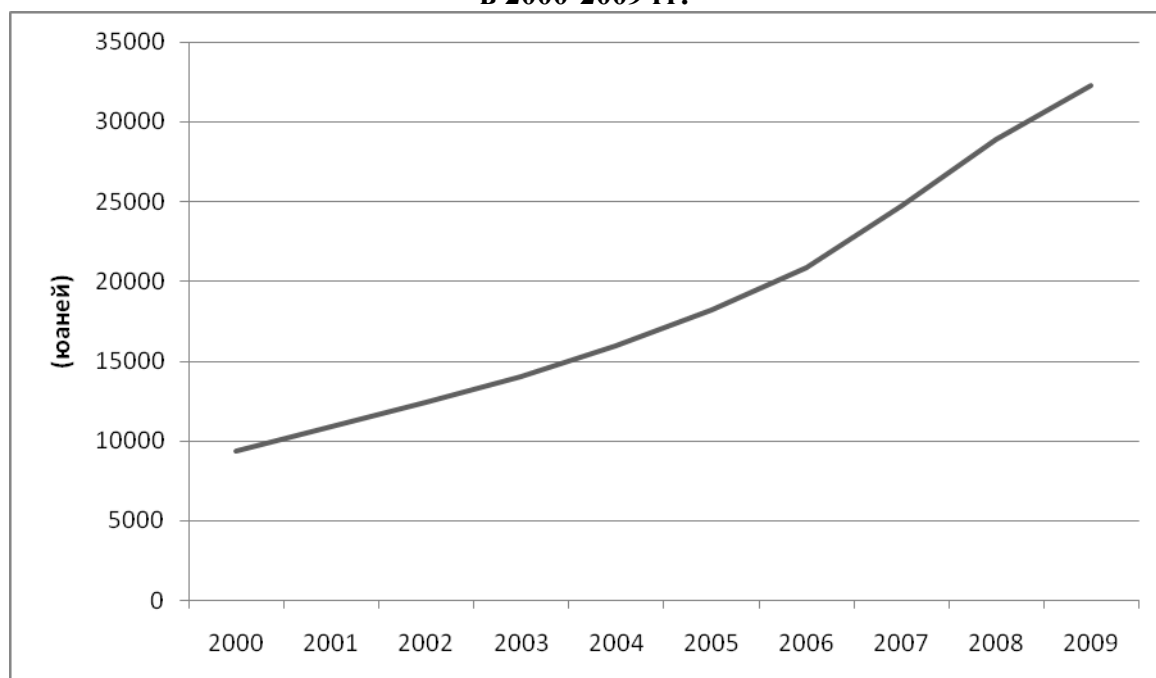
Учитывая вышеизложенные факторы, среднегодовые темпы прироста китайского ВВП в ближайшей перспективе могут составить 8,5-9%.

Как было отмечено ранее, **стимулируется увеличение внутреннего индивидуального потребления.** Среди факторов, способствующих этому – рост благосостояния китайского населения в целом. Так, размер среднегодовой заработной платы городского жителя в период с 2000 г. по 2009 г. увеличился более чем в три раза (рис. 1). Эта тенденция сохранится и в будущем. Количество лиц с годовым доходом более 12 тыс. долл. (свыше 75 тыс. юаней по обменному курсу на конец 2011 г.) в ближайшее десятилетие может достичь 150 млн. чел.³

---

³ <http://expert.ru/2011/07/26/predpochitayut-podorozhe/>

Рис. 1. Размер среднегодовой заработной платы городского жителя в 2000-2009 гг.

Источник: Национальное статистическое бюро Китая, <http://www.stats.gov.cn/english/>

Китайское правительство, посчитав принятые до сих пор меры недостаточными, планирует в ближайшей перспективе дополнительное стимулирование внутреннего индивидуального потребления путем:

- развития потребительского кредитования (в т.ч. через распространение кредитных карт),
- предоставления субсидий на покупку бытовой техники, а также автомобилей (особенно для сельского населения),
- предоставления субсидий на покупку недвижимости (только в случае приобретения первой квартиры).

В связи с этим устойчивый рост индивидуального потребления сохранится и в будущем – за счет приобретения недвижимости, продаж товаров массового спроса (краткосрочного и длительного пользования). Остается огромным объем спроса на автомобили, несмотря на инфляцию, растущие процентные ставки по автокредитам, уменьшение субсидий и ограничения на покупку автомобилей в городах.

Китай стал крупнейшим рынком для товаров класса «люкс» и по всей вероятности сохранит свое лидерство в будущем – за счет все увеличивающегося числа китайских миллионеров. В ближайшем будущем их количество миллионеров может достичь 1,5 млн. чел. против нынешних 960 тыс. (среди них – 60 тыс. миллиардеров)⁴.

Несмотря на предпринимаемые китайским правительством меры по их ограничению, **рост цен на недвижимость сохранится.**

Во-первых, это обусловлено колоссальным спросом, в т.ч. инвестиционным. В условиях инфляции, с которой правительству пока не удастся справиться, китайское население вкладывает свои растущие доходы в покупку жилья. Спрос на недвижимость также подогревается масштабной миграцией сельского населения в города.

Во-вторых, значительная доля доходов региональных и особенно местных властей формируется за счет продажи недвижимости. Следовательно, они не заинтересованы в снижении ее стоимости. Видимо, это может способствовать негласному саботированию на местах действий Пекина, направленных на снижение стоимости жилья и ограничение инфляционного спроса на него. Также поэтому центральным властям будет трудно сдерживать увеличение количества злоупотреблений с изъятием сельскохозяйственных земель под строительство недвижимости.

В-третьих, ограничение стоимости недвижимости приводит к банкротству строительных компаний, которые не в состоянии обеспечивать выплаты по полученным кредитам. А это ведет к росту безработицы и социальной нестабильности.

В-четвертых, одним из способов понижения стоимости недвижимости со стороны правительства является выплата субсидий на покупку жилья. В этом случае стоимость 1 м² снижается на 20-30%. Однако выплата субсидий приводит к массовым протестам покупателей, которые её не получили (например, сделка могла быть совершена всего за одну неделю до запуска государственной программы)⁵. Поэтому вероятно субсидии будут или снижены или отменены.

---

⁴ http://www.china.org.cn/china/2011-08/25/content_23282731.htm;

<http://www.bloomberg.com/news/2011-08-31/china-to-have-half-of-asia-s-millionaires-by-2015-baer-says.html>

⁵ http://www.1hangzhou.com/e/2011-10/27/content_14008935.htm

В-пятых, государственные программы строительства жилья экономкласса не в состоянии удовлетворить спрос на него со стороны населения.

В ближайшей перспективе, скорее всего, будет наблюдаться рост безработицы. Несмотря на то, что с 2011 г. по 2015 г. китайское правительство планирует создать 85 млн. рабочих мест (45 млн. – в городах, 40 млн. – в сельской местности), уровень планируемой безработицы (4%), вероятно, будет превышен. Во-первых, даже в экономически благоприятный период 2006-2011 гг. было создано только 55 млн. рабочих мест. Во-вторых, армия безработных регулярно пополняется почти 7 млн. выпускников школ и высших учебных заведений⁶. В-третьих, планы китайского правительства по изменению технологического уклада экономики предполагают сокращение устаревших экологически-грязных и ресурсоемких производств. Модернизация производства, также предполагает сокращение рабочих мест. Прогнозируемое сокращение экспорта в ЕС может привести, по крайней мере, к временному закрытию определенного числа малых и средних предприятий.

Вероятная инфляция в среднесрочной перспективе составит около 5% в год. По причине удорожания стоимости ресурсов и сырья, роста внутреннего индивидуального потребления, а также инвестиционного спроса, китайскому правительству, скорее всего, не удастся достичь заявленной цели – 4-процентного уровня инфляции в год⁷. Для борьбы с инфляцией китайские финансовые власти в течение 2011 г. три раза поднимали ставку рефинансирования – до 6.56%. При этом во многих развитых странах с началом глобального финансового кризиса она снизилась практически до 0%⁸. Использование повышения ставки рефинансирования как механизма сдерживания инфляции может стать еще одним фактором усиления утечки производственного капитала из Китая туда, где финансовые ограничения на заемные средства гораздо ниже.

Объем китайских прямых иностранных инвестиций будет расти. Основная причина – необходимость диверсификации огромных золотовалютных резервов с тем, чтобы попытаться избежать т.н. «долларовой ловушки». Китайское правительство намерено сдерживать дальнейшие вложения в доллар США. По оценке китайских специалистов с 2003 г. по 2010 г. Китай потерял более 270 млрд. долл. из-за снижения стоимости американской валюты⁹.

---

⁶ http://www.china.org.cn/china/2011-12/17/content_24177934.htm

⁷ <http://russian.people.com.cn/31518/7618418.html>

⁸ http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-01/08/c_131348996_2.htm

⁹ http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2011-05/05/content_12451452.htm

Дополнительному росту китайских ПИИ будет способствовать программа поддержки покупки иностранных предприятий китайскими компаниями. Т.е. количество сделок слияний и поглощений с участием китайских компаний будет увеличиваться.

Основные мотивы для покупки иностранного предприятия:

- доступ к развитой сбытовой сети,
- доступ к современным технологиям и «ноу-хау»,
- покупка всемирно известного бренда,
- покупка компании, обладающей правом (лицензией) на разработку каких-либо ресурсов.

Наиболее предпочтительные сферы осуществления слияний и поглощений станут – ресурсный сектор и т.н. сектор «зеленой экономики».

Вполне вероятно, что в общем объеме китайских заграничных ПИИ возрастет доля предприятий среднего бизнеса.

Тенденция увеличения инвестиций в развивающиеся страны, особенно в Латинскую Америку, сохраниться и в будущем. В настоящее время Китай является крупнейшим инвестором для Северной Кореи, Мьянмы, Камбоджи и Монголии.

Темпы прироста объема иностранных инвестиций в Китае, напротив, могут сократиться. На это может повлиять ожидаемое по ряду причин снижение темпов роста объема экспорта. Это может вынудить часть иностранных инвесторов, планировавших открыть ориентированное на экспорт производство в Китае, отказаться от своих намерений.

Растущая стоимость факторов производства внутри Китая (прежде всего это касается роста зарплаты и стоимости энергоресурсов) также может негативно повлиять на инвестиционные планы иностранных компаний.

Жесткое регулирование иностранных инвестиций со стороны правительства с целью переориентировать финансовые потоки на внутренние районы Китая (потенциально менее выгодные для инвестирования) также могут заставить инвесторов ограничить или вовсе не осуществлять инвестиции.

Иностранное участие в устаревших, ресурсоемких отраслях, в т.ч. с избыточными мощностями также будут жестко ограничиваться¹⁰.

---

¹⁰ http://www.china.org.cn/china/2012-01/04/content_24316344_2.htm

За 11 месяцев 2011 г. объем американских ПИИ в Китай сократился на 23% по сравнению с аналогичным периодом 2010. Объем европейских ПИИ вырос только на 0.3%. Снижение темпов прироста привлеченных иностранных инвестиций может быть частично компенсировано за счет ПИИ из стран АТР, объем которых вырос на 18% по сравнению с 2010 г.¹¹

Во внешней торговле Китая увеличится совокупная доля стран Азиатско-тихоокеанского региона. По состоянию на ноябрь 2011 г. общий объем торговли со странами АТР вырос на 21% по сравнению с аналогичным периодом 2010 г., превысив 965 млрд. долл.¹² Объем китайского товарного экспорта вырос более чем на 18% – до примерно 530 млрд. долл. Импорт увеличился почти на 24% – до 435 млрд. долл.¹³ В настоящее время Китай является крупнейшим торговым партнером для Японии, Индии, Малайзии, Вьетнама, Северной и Южной Кореи.

После вступления в действие с начала 2010 г. соглашения о зоне свободной торговли АСЕАН – Китай объем их взаимной торговли увеличился за первые 11 месяцев 2011 г. на 25% по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. и составил почти 330 млрд. долл.¹⁴

Продолжится постепенная интернационализация юаня. В августе 2011 г. министерство торговли КНР разрешило иностранным компаниям осуществлять инвестиции внутри Китая в юанях, которые могли быть приобретены за пределами страны. Также разрешен вывоз прибыли иностранных компаний, номинированной в юанях¹⁵.

Коридор колебаний курса юаня может быть расширен для балансировки притока и оттока капитала.

Народный Банк Китая объявил, что теперь любая провинция страны имеет право осуществлять внешнеторговые сделки в национальной валюте (ранее внешнеэкономическую деятельность могли осуществлять только 20 провинций). В первой половине 2011 г. объем юаневых внешнеторговых сделок увеличился в 13 раз по

---

¹¹ <http://www.foxbusiness.com/markets/2011/12/15/foreign-investment-in-china-down-first-time-in-28-mths512680/>

¹² http://news.xinhuanet.com/english/business/2012-01/08/c_131348510.htm

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011-08/23/c_131069163.htm

сравнению с аналогичным периодом 2010 г. и достиг почти 960 млрд. юаней (150 млрд. долл.)¹⁶.

Будет усиливаться финансовое сотрудничество Китая с торговыми партнерами. Основным инструментом такого взаимодействия по-прежнему останутся СВОП-соглашения. В 2011 г. такие соглашения были заключены с Новой Зеландией, Узбекистаном, Монголией, Казахстаном, Таиландом и Пакистаном. СВОП-соглашение с Южной Кореей было расширено. Всего на конец 2011 г. общий объем СВОП-соглашений Китая с другими странами составлял более 167 млрд. долл. (таб. 1).

Таблица 1. Объем СВОП-соглашений Китая со странами и территориями по состоянию на декабрь 2011 г. (млрд. долл.)

Страна/территория	объем	дата заключения
Гонконг	30.0	январь 2009
Малайзия	11.7	февраль 2009
Беларусь	2.9	март 2009
Аргентина	10.2	апрель 2009
Индонезия	14.6	март 2010
Исландия	0.5	июнь 2010
Сингапур	22.1	июль 2010
Новая Зеландия	3.8	апрель 2011
Узбекистан	0.7	апрель 2011
Монголия	0.8	май 2011
Казахстан	1.1	июнь 2011
Южная Корея	56.6	октябрь 2011
Таиланд	11.1	декабрь 2011
Пакистан	1.6	декабрь 2011
Всего	167.7	декабрь 2011

Источник: Составлено по материалам Народного банка Китая:
<http://www.pbc.gov.cn>

¹⁶ http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011-08/23/c_131069357.htm

Продолжится осуществление стратегии превращения Китая в одного из инновационных лидеров. Основная идея – трансформировать штамп «сделано в Китае» в «разработано в Китае». По итогам 2011 г. Китай опередил США, Японию, ЕС и Южную Корею по общему количеству поданных патентных заявок. В Китае функционирует система поощрения предприятий, подающих патентные заявки, в независимости от того, был ли получен патент или нет.

С 2006 г. по 2010 г. количество китайских патентных заявок увеличивалось примерно на 17% в год и достигло 314 тыс. Ожидается, что к 2015 г. это количество увеличится до 500 тыс. (США – 400 тыс., Япония – 300 тыс.)¹⁷.

В корпоративном рейтинге за 2010 г. по количеству поданных патентных заявок лидировала японская корпорация Panasonic, второе место заняла китайская ZTE Corp., третье – американская Qualcomm Inc. и четвертое – китайская Huawei Technologies Co Ltd¹⁸.

Иностранным корпорациям, оперирующим на рынке Китая, предъявляется неформальное требование по переносу исследовательских центров в китайские технопарки. В будущем принцип «рынок в обмен на технологии» приобретет еще большую актуальность.

Однако здесь существуют некоторые противоречия.

Во-первых, даже под давлением китайских властей, иностранные компании, справедливо опасаясь кражи технологий, переносят в Китай разработку продуктов с минимальной добавленной стоимостью.

Во-вторых, разработка таких продуктов обособляется от общекорпоративной производственной цепи.

В-третьих, в такие перенесенные «по своей собственной инициативе» исследовательские центры, как правило, передается разработка устаревших продуктов.

В-четвертых, система поощрения предприятий, в независимости от того, был ли получен патент или нет, пока ставит под сомнение качество китайских НИОКР. Однако процесс перехода количество в качество уже начался.

Китай активно использует преимущество догоняющего – не тратит время на освоение уже существующих технологий, а сосредотачивает усилия на развитии прорывных технологий будущего. Например, активно ведутся работы в области

---

¹⁷ http://zeenews.india.com/business/international/china-tops-us-japan-to-become-top-patent-filer_35921.html

¹⁸ Ibidem.

разработки сетей на основе нового протокола связи IPv6, который позволяет значительно увеличить количество IP адресов (т.е. количество конечных пользователей сети). На основе этого протокола к 2013 г. планируется создание малых коммерческих сетей, а к 2016 г. – создание крупных коммерческих сетей и их адаптация для взаимодействия с сетями, функционирующими на основе протокола IPv4, который используется в настоящее время¹⁹.

Особого внимания заслуживает **космическая программа Китая**. В декабре 2011 г. Китай ввел в действие национальную систему глобального позиционирования «Бэйду». Сейчас такие системы есть только в США (GPS), в России (ГЛОНАСС) и планируется к запуску в ЕС (Galileo). Китайская «Бэйду» работает на основе 10 спутников и охватывает территорию от Австралии до России. В 2012 г. планируется запустить еще 6 спутников. К 2020 г. система охватит весь мир, количество спутников будет доведено до 35²⁰.

В 2011 г. были осуществлены коммерческие пуски спутников для Нигерии, Пакистана и французской компании Thales Alenia Space.

В 2012 г. Китай планирует осуществить такие же пуски спутников для Люксембурга (2), компании APT Satellite Co. Ltd. (2) и для China Great Wall Industry Corporation (2).

Кроме того Китай заключил контракты на постройку и запуск спутников для Венесуэлы, Боливии, Белоруссии, Туркменистана и Люксембурга²¹.

К 2016 г. Китай планирует осуществить запуск космических лабораторий, управляемых космических кораблей и сформировать технологическую базу для создания обитаемой орбитальной станции.

Интересным явлением в будущем станет **инвестиционная эмиграция**. Согласно исследованию, проведенному в 2011 г., свыше 60% граждан КНР, обладающих состоянием в 10 млн. долл. и более, планируют переселиться в другие страны²². Примерно 32% опрошенных заявили, что уже имеют зарубежные активы, которые они приобрели специально для получения вида на жительство. Основными направлениями для эмиграции становятся США, Канада и Сингапур. Основная причина – забота о будущем детей.

---

¹⁹ http://www.china.org.cn/china/2011-12/24/content_24237282.htm

²⁰ http://www.china.org.cn/china/2011-12/28/content_24266178.htm

²¹ http://www.china.org.cn/china/2011-12/21/content_24207693.htm

²² http://www.china.org.cn/china/2011-11/03/content_23806814.htm

Во **внутренней (и не только) политике** главным определяющим событием предстоящего пятилетия (как минимум) станет смена расстановки сил в высшем руководстве КНР, которая должна произойти на XVIII съезде КПК и очередной сессии ВСНП. По решению VI пленума ЦК КПК XVII созыва, XVIII Всекитайский съезд КПК пройдет в Пекине во втором полугодии 2012 г.

Новый лидер страны станет первым в пятом поколении руководителей КНР. Вместе с приходом нового председателя произойдет масштабное обновление кадров на местах. Костяк руководства уже известен. Это, прежде всего, Си Цзиньпин, Ли Кэцян, Хэ Гоцян и Чжоу Юнкан, которые входят в число девяти членов постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 17-го созыва.

Назначение нового лидера в Китае на данном этапе лишено всякой интриги. Преемником Ху Цзиньтао станет зам. председателя КНР с 2008 г. Си Цзиньпин. Премьера Вэнь Цзябао сменит вице-премьер Ли Кэцян. Вместе с приходом новых лидеров и масштабным обновлением кадров внутри партии появляется вероятность перемен, как во внешней, так и во внутренней политике.

Личность Си Цзиньпина является ключевой в возможных изменениях. В Поднебесной принято при выборе преемника учитывать не только безупречную биографию, но и прошлые достижения в работе. Поэтому человек, имеющий репутацию в партии как «хорошего управленца», «скромного труженика», а в народе – «молчаливого Си», подойдет на роль будущего лидера Китая.

Си Цзиньпин родился в июне 1953 г. в провинции Шэньси, вступил в ряды КПК в 1974 г. Закончил университет Цинхуа, как и Ху Цзиньтао, является доктором юридических наук. За время своей деятельности работал в наиболее продвинутых в проведении реформ южных районах КНР, таких как Хэбэй, Фуцзянь и Чжэцзян.

В китайских интернет-источниках активно обсуждается тема прихода к власти вместе с Си Цзиньпином членов партии «сынов неба» (天子党)²³. Считается, что это – неформальное объединение детей революционеров и партийных активистов первой волны. Сам Си Цзиньпин является сыном Си Чжунсюня, революционера, принадлежавшего к первому поколению руководителей КНР, занимавшего посты вице-премьера Госсовета КНР и заместителя Председателя ПК ВСНП. Из 25 мест в Политбюро потомкам «красных вождей» Китая принадлежит ныне 7 мест (в предыдущем составе – только 3).

---

²³ Также встречается вариант написания 太子党 – «партия престолонаследников».

Одной из важнейших тенденций либерализации китайской внутренней политики станет продолжающееся развитие китайской блогосферы.

В настоящий момент, Интернет является главным источником информации о состоянии общественно-политической жизни Китая. Кроме того, современные средства связи, к которым сегодня благодаря глобализации имеют доступ сотни миллионов китайских потребителей, позволяют лучше координировать выражения протеста. Руководство Коммунистической партии разработало современные способы ограничения пользования интернетом. Однако 50 тыс. сотрудникам служб безопасности, занятым исключительно слежением за интернет-сетью, с каждым разом будет все труднее контролировать поток обмена идеями и информацией.

Основными информационными источниками являются блоги и микро-блоги. Появляется все больше и больше оснований, что микро-блоги станут основным инструментом в борьбе с коррупцией. Накануне предстоящего в 2012 г. съезда КПК в блогах усилились обсуждения возможной политической реформы. Однако Ху Цзиньтао дал указание ужесточить контроль над интернет-ресурсами перед съездом во избежание несанкционированных общественных выступлений.

За проведение политической реформы активно ратует Вэнь Цзябао. На открытии Всемирного экономического форума в Даляне в 2011 г. он подчеркнул, что необходимо «твердо придерживаться норм права в управлении государством, а самым главным является изменение концентрации власти»²⁴. Внутри самой партии далеко не все разделяют взгляды Вэнь Цзябао на необходимость политических и экономических реформ. Однако вероятность их осуществления можно подтвердить тем, что преемник Ху Цзиньтао считается сторонником внутрипартийной демократии, последовательных рыночных реформ и либерализации политического строя КНР.

15-18 октября 2011 г. в Пекине был проведен VI пленум, на котором обсуждался характерный для данного момента культурно-идеологический вопрос. Было принято решение «углубить структуру культурной реформы в целях содействия развитию и процветанию социалистической культуры», а для «дальнейшего улучшения развития культурного реформирования и развития механизмов политической поддержки необходимо укрепить госслужбу»²⁵.

---

²⁴ http://blog.sina.com.cn/s/blog_4be2ecc30100uwop.html

²⁵ <http://news.sohu.com/20111116/n325775712.shtml>

Дело в том, что в настоящий момент китайские власти озабочены проблемой влияния западной культуры и западных ценностей на китайскую молодежь. Поэтому на Пленуме было озвучено намерение «укреплять чувство национального самосознания и веру в китайскую культуру», «наращивать мягкую силу» страны и международное влияние китайской культуры, сохранять «культурную безопасность».

В предстоящий период власти Китая будут использовать «мягкую силу» для соблюдения спокойствия в стране и предотвращения отсутствия беспорядков. В китайских политических кругах уже нет сомнения в необходимости проведения политической реформы для сохранения темпов экономического развития страны. Самым главным вопросом, является вопрос: «каким образом ее проводить?».

В.Г. Швыдко, Е.Л. Леонтьева, К.Р. Вода

ЯПОНИЯ: СМЕНА ВЕХ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Перемены в факторах международной конкурентоспособности японских компаний и поиск структурных ответов

К началу 2011 г. японская экономика в основном преодолела последствия мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг., который серьезно затронул как финансовые рынки, так и состояние реального сектора, в первую очередь тот его сегмент, который в существенной степени зависит от экспорта. В Японии к этому сегменту относятся, в частности, автомобильная промышленность, другие отрасли транспортного машиностроения, производство промышленного оборудования. Именно эти отрасли и оказались в числе наиболее пострадавших от спада международной торговли в начале 2009 г., когда сокращение месячных показателей японского экспорта по сравнению с тем же периодом 2008 г. достигало 50%. Восстановление экспорта к середине 2010 г. компенсировало около половины кризисного падения.

Ущерб, нанесенный в марте 2011 г. разрушительным цунами и аварией на АЭС «Фукусима-1», естественно, создал дополнительные трудности для промышленных компаний и экспортеров, прежде всего из-за разрыва логистических цепочек и вынужденной остановки ряда производств. Однако в целом отрицательный эффект последствий ударов стихии (включая утечки радиации с аварийной АЭС и вынужденную эвакуацию населения из пораженной радиоактивным заражением зоны) оказался менее драматичным, чем опасались пессимисты, в том числе и в японском правительстве. По крайней мере, непосредственные потери, понесенные ключевыми экспортерами, не превысили критического порога, способного переломить тенденцию к восстановлению хозяйственной активности.

Вместе с тем в процессе послекризисного восстановления в центре общественного внимания оказался ряд вопросов, связанных с определением будущего места Японии в глобальной экономической и политической конфигурации. Большая часть этих тем возникла не вчера – они уже в течение длительного времени обсуждались как на экспертном уровне, так и в качестве предмета широкого общественного внимания.

Упомянутые выше события, однако, в одних случаях придали этому обсуждению дополнительный импульс, в других – обнаружили в предмете обсуждения новые стороны и грани, ранее не привлекавшие заметного внимания.

Прежде всего, на первый план выдвинулся целый ряд вопросов, так или иначе связанных с темой постепенного снижения роли обрабатывающей промышленности в японской экономике, ее так называемой «**деиндустриализации**»²⁶. В общем плане этот процесс объективно обусловлен и вытекает из логики движения Японии по пути развития постиндустриального типа экономики, связанного с изменениями в степени наделенности страны основными экономическими ресурсами, их относительной стоимости и возможностей использования.

Естественно, что возрастающая степень наделенности Японии различного рода нематериальными производительными активами (технологии, ноу-хау, мощные торговые бренды, глобальные возможности организации производства и сбыта в виде исторически сформировавшихся деловых связей и репутации и др.) в сочетании с удорожанием рабочей силы и ростом инфраструктурных и административных издержек ведут к тому, что значительная часть обрабатывающих производств утрачивает свою привлекательность как объект приложения капитала при размещении их в Японии.

С этой точки зрения переориентация деловой активности внутри страны на иные, в первую очередь так называемые «постиндустриальные» отрасли и сферы, выглядит неизбежной. Однако значение имеет не только сам этот процесс, но и его темпы, характер, а также различного рода побочные эффекты, которые могут иметь для будущего японской экономики как позитивные, так и негативные последствия.

Пожалуй, главный фактор, привлекающий внимание в связи с вышеназванным процессом – это **сравнительные издержки внутреннего производства и перспективы их дальнейшей динамики** в средне- и долгосрочной перспективе.

Первое, на что обращают внимание японские эксперты – это нынешняя и будущая динамика **валютного курса**.

Действительно, на фоне высокой волатильности курса, естественной для свободно торгуемой валюты, каковой является японская иена, в последние несколько лет

---

²⁶Так можно, пожалуй, перевести специфический японский термин «*кудока*», часто используемый в японской литературе для характеристики этого процесса и буквально означающий «разрушение содержимого» промышленности.

наблюдается тенденция к постепенному повышению курса иены по отношению к большинству ведущих мировых валют. Если в начале 2007 г. он устойчиво держался на уровне более 120 иен за доллар, то к осени 2011 г. эта тенденция довела соотношение двух валют до 75 иен/доллар. При этом в последние два года общий тренд удорожания японской валюты был устойчивее, а периоды коррекции – реже, чем в предшествующие годы²⁷.

Правда, движение курса иена-доллар не вполне показательно, так как отражает также ослабление американского доллара по отношению к пулу основных мировых валют. Но и с учетом этого обстоятельства масштабы удорожания иены были впечатляющими. Так, по расчетам Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, реальный эффективный курс японской иены относительно корзины из валют 20-ти стран, крупнейших в мире по внешнеторговому обороту, за период с начала 2008 г. по август 2011 г. вырос более чем на 20%, уступив по этому показателю только валютам Швейцарии и Бразилии²⁸.

Удорожание иены отрицательно сказалось на текущей конкурентоспособности японского автомобилестроения, которое по-прежнему в существенной степени опирается на японские производственные площадки. Если сборочные производства для экспортных рынков в последние десятилетия в значительной степени уже были вынесены за пределы страны, то снабжение их узлами и комплектующими во многих случаях невозможно без задействования производств, располагающихся на территории Японии и издержки которых фиксируются в иенах.

Вместе с тем, одна из особенностей стратегии крупных японских автомобильных концернов состоит в том, что в результате активного аутсорсинга снабжение комплектующими компонентами японского производства производится в основном мелкими и средними независимыми фирмами. Это позволяет крупным автопроизводителям относительно просто и быстро переносить дополнительные проблемы, создаваемые удорожанием иены, на своих поставщиков.

---

²⁷По поводу фундаментальных причин тенденции к удорожанию иены высказываются различные мнения, однако чаще всего отмечается сравнительная безопасность иены как валюты, отягощенной относительно меньшим количеством экономических и политических рисков. Япония имеет низкую безработицу, нулевую инфляцию и хорошие перспективы для экономического роста. Торговый баланс в целом профицитен, объем золотовалютных резервов – второй в мире после КНР. Хотя размеры дефицита государственного бюджета велики, а объем накопленного государственного долга в пропорции к ВВП является рекордным для развитых стран, доверие к японским гособлигациям остается стабильно высоким даже на фоне негативных сигналов со стороны некоторых рейтинговых агентств (например, снижения суверенного кредитного рейтинга Японии агентством Moody's в августе 2011 г.; <http://top.rbc.ru/economics/24/08/2011/611933.shtml>).

²⁸Эксперт №42, 24-30 окт. 2011 г., С.51.

Действительно, сильная зависимость этих поставщиков от покупателей продукции, связанная как с технологическими, так и со структурными факторами, делает их крайне уязвимым звеном рыночной цепочки. Неспособные (в силу ограниченности своего финансового и технического потенциала) в разумные сроки переориентироваться на альтернативную клиентуру, они вынуждены уступать предъявляемым им требованиям снижения цен на поставляемые компоненты. Тем самым усилия по поиску путей удешевления производства без ущерба для качества, а также связанные с этим издержки, фактически возлагаются на технологов и рабочих, занятых в секторе независимого среднего (а порой – и мелкого) бизнеса.

Хотя в долгосрочной перспективе такой метод борьбы с последствиями повышения валютного курса чреват нежелательными последствиями²⁹, в краткосрочном плане он позволяет ведущим японским корпорациям избегать ценовых шоков и драматического ухудшения своих позиций на зарубежных рынках.

Что же касается остальных промышленных экспортеров, то большинство из них либо изначально работали в тех сегментах, где структура издержек и технологические особенности позволяют иметь большую маржу и гибко оперировать ценами, либо уже провели реструктуризацию производства и внутрифирменных цепочек в ответ на удорожание национальной валюты. В результате существующий уровень специализации и транснационализации производства в тех рыночных сегментах, где работает большая часть японских компаний, делает зависимость их конкурентоспособности от курса иены не критичной (по крайней мере, в краткосрочном аспекте).

Именно этим объясняется во многом парадоксальный факт, что на фоне значительного повышения курса иены к началу 2011 г. по отношению к уровню конца 2008 г. (к доллару – на 15-18%), доля Японии в мировой торговле товарами обрабатывающей промышленности в 2009-2010 гг. практически не изменилась³⁰.

Тот факт, что процесс «утяжеления» национальной валюты в последние пять лет приобрел устойчивый характер и протекает без драматических скачков и частых смен тенденции, породил в Японии скептическое отношение к часто звучавшим со стороны некоторых представителей бизнеса предсказаниям якобы катастрофического ущерба для

---

²⁹Длительное сохранение подобной ситуации может серьезно подорвать положение и перспективы не входящих в крупные концерны независимых промышленных компаний, которые сегодня образуют, пожалуй, наименее защищенный в социальном и политическом отношениях сегмент японской экономики.

³⁰Расчеты В. Сальникова и А. Фролова по данным торговой статистики ООН. См. Эксперт №42, 24-30 окт. 2011 г., С. 52.

национальной экономики в случае стабилизации иены на достигнутом высоком уровне, не говоря уже о дальнейшем росте.

Градус дискуссий на эту тему в японских СМИ значительно понизился, да и сама эта тема по степени уделяемого ей внимания заметно уступает другим экономическим сюжетам – таким, как перестройка государственных финансов, особенно в свете задач ликвидации последствий чрезвычайной ситуации весны 2011 г.; судьба ядерной энергетики; возможное присоединение Японии к переговорам о «Транстихоокеанском партнерстве»; последствия для мировой экономики долгового кризиса в Европе и др.

У японского правительства в целом и денежных властей, в частности, тенденция к продолжению роста курса иены к доллару и евро вызывает озабоченность, но отнюдь не панические настроения, которых можно было бы ожидать, исходя из реакции на подобного рода «провалы» в прошлом.

Действительно, министерство финансов и Банк Японии периодически прибегали и продолжают прибегать к масштабным интервенциям на валютном рынке, скупая валюту в резервы³¹. Банк Японии также принимал меры по увеличению предложения иены, осуществляя программы выкупа активов и монетарные ослабления в своей политике в отношении банковской системы.

Однако главным инструментом предотвращения чрезмерного, по мнению правительства, укрепления национальной валюты в последние годы были публичные предупреждения Банка Японии о своем намерении прибегнуть к реальным действиям в моменты резкого роста котировок иены на валютных рынках.

Такие «вербальные интервенции», охлаждая раж спекулянтов, способны предотвратить резкие колебания курса, однако бессильны переломить даже относительно краткосрочные тенденции, не говоря уже о среднесрочных трендах. Тем не менее, правительство пока не ставит вопрос о каких-либо более энергичных мерах в этой области, например, организации скоординированных многосторонних интервенций на валютных рынках с участием денежных властей США и Евросоюза, как это было в первые дни после мартовского землетрясения.

С другой стороны, регулярные опросы представителей бизнеса, проводимые Банком Японии, также фиксируют сравнительно спокойное отношение деловых кругов к

---

³¹Официально объявленные крупные интервенции (объемом свыше 2 трлн. иен, т.е. более 20 млрд. долл.) осуществлялись, в частности, в сентябре 2010 г., в марте, августе и октябре 2011 г. (Нихон кэйдай симбун, 27.10.2011, 01.11.2011). Эксперты считают, что масштабные интервенции, объем которых, по разным оценкам, составил 20-50 млрд. долл., проводились также в конце сентября 2011 г. (The Financial Times. October 6, 2011).

беспрецедентному укреплению иены. Правда, в сентябре-октябре 2011 г целый ряд компаний (в том числе такие крупные производители электронной продукции, как Panasonic и TDK) обнародовал решения о закрытии некоторых производств и сокращении числа своих сотрудников в Японии, мотивируя их пересмотром прогноза по курсу иены в сторону повышения³².

Однако опубликованные ими решения никак нельзя назвать неожиданными или чрезвычайными, поскольку предусматриваемые меры отражают наблюдаемую уже в течение многих лет (если не десятилетий) общую тенденцию к рационализации размещения обрабатывающих производств в рамках транснациональных производственных цепочек. Естественно, что в рамках такой рационализации учитываются не только валютные соотношения и риски, но и все остальные элементы, формирующие совокупные издержки и общий деловой климат, включая политические, административные, природные и прочие риски и преимущества. Поэтому выделение фактора роста курса иены в качестве главного мотива принятия такого рода решений выглядит неоправданным и объясняется, скорее всего, конъюнктурными соображениями.

Возвращаясь к событиям и тенденциям последних лет, можно отметить, что удорожание иены – не единственный фактор, повышающий издержки и объективно ухудшающий международную конкурентоспособность японской промышленности. Так, в связи с аварией на АЭС «Фукусима» и ее многообразными последствиями одной из главных тем стало ожидаемое **повышение тарифов на электроэнергию**, которое может, по некоторым оценкам, составить до 40% к уровню 2010 г., а также возможные варианты изменений правительственной политики в энергетической сфере (включая ограничения на дальнейшее использование ядерной электроэнергетики), которые в конечном итоге повысят среднюю стоимость производимой в Японии электроэнергии.

Следует иметь в виду, что причины удорожания энергии для японских производств не сводятся к последствиям инцидента на «Фукусима-1». Проблемы утилизации отработанного ядерного топлива и напряженность в отношениях с населением районов, соседствующих с потенциально опасными или экологически вредными энергетическими объектами, объективно требовали и требуют дорогостоящих решений.

Вкупе с постоянным ростом цен на мировых рынках энергетического сырья, а также чрезвычайной затратностью политики диверсификации источников и разработки альтернативных видов энергии, все это делало и делает рост энерготарифов неизбежным

---

³² <http://www3.nhk.or.jp/news/html/20111101/t10013641461000.html>

вне зависимости от развития сюжета с недавней аварией. Последняя лишь усугубила этот процесс, поскольку, по крайней мере, часть дополнительных расходов, связанных с выплатой компенсаций пострадавшим, с внеплановыми остановками АЭС для проведения дополнительных проверок и с увеличением производства электроэнергии на тепловых электростанциях для компенсирования потери мощностей в ядерной энергетике, должна быть возложена на потребителей энергии через повышенные тарифы.

С другой стороны, возможности нейтрализовать рост тарифов сокращением энергоемкости производства при нынешней структуре японского ВВП и промышленного производства сильно ограничены. Наиболее энергоемкие процессы, рационализация и модернизация которых сопровождается значительной экономией энергопотребления, уже перемещены за пределы страны, и сложившаяся к сегодняшнему дню производственная структура характеризуется низкой эластичностью спроса на энергию. Соответственно, избежать негативных последствий удорожания потребляемой энергии, скорее всего, не удастся.

Другим значимым фактором, отрицательно влияющим на конкурентоспособность японских компаний, может стать **повышение налогового бремени**, в первую очередь налогов, прямо или косвенно затрагивающих бизнес. Обострение ситуации с бюджетной несбалансированностью вынудило правительство Наото Кана окончательно отказаться от планов снижения налогов, которое в свое время было одним из «козырей» предвыборной стратегии Демократической партии, и признать неизбежность повышения налоговой нагрузки в долгосрочной перспективе. Этот же подход в принципе разделяет и кабинет его преемника Ё. Ноды.

Правда, до сих пор правительство и правящая партия предпочитали отодвигать эти явно неприятные для населения и бизнеса решения на сравнительно отдаленную перспективу, признавая их необходимость в принципе, но избегая конкретных решений по размерам и срокам повышения налогов под предлогом длительной работы по более глубокому «изучению вопроса» партийными комиссиями.

В частности, уже принятое и вынесенное на публику решение повысить вдвое ставку НДС (в японском варианте именуемого «налогом на потребление») премьер-министр Нода предложил отложить до 2014 г., сославшись на слабую текущую конъюнктуру и дополнительное бремя, которое бизнес и население будут нести в связи с восстановлением районов, пострадавших от мартовских (2011 г.) бедствий.

Более того, большая часть пакета дополнительного налогообложения, которые правительство намерено использовать для погашения займов на проведение

восстановительных работ, относится к налогам на личное потребление (дополнительные акцизы на табачные изделия) и личные доходы – так чтобы по возможности не ухудшать условия работы частных компаний.

Тем не менее, полностью избежать дополнительной налоговой нагрузки на частный бизнес не удастся. Практически согласовано решение о временном (на три года) увеличении суммы налога на прибыль корпораций на 10% в качестве чрезвычайной меры в связи с ликвидацией последствий событий марта 2011 г. В среднесрочной перспективе, безусловно, не удастся избежать и повышения ставки НДС, что, скорее всего, усложнит для японских компаний конкуренцию с импортом на внутреннем рынке.

Однако главный фактор, стимулирующий «вымывание» большей части обрабатывающих отраслей из японской экономики – это прогрессирующая **транснационализация** японского крупного и, частично, среднего бизнеса. Бизнес-опросы недвусмысленно указывают на то, что в зарубежные подразделения японских компаний направляется все большая часть финансовых ресурсов корпораций, а их доля в совокупных продажах и издержках корпораций возрастает.

При этом глобальный кризис 2008-2009 гг. и его последствия оказали заметное психологическое воздействие на японский бизнес в сторону усиления отмеченного выше процесса. Часть функций и ресурсов, которые в японских компаниях ранее были закреплены за экспортно-ориентированными производствами внутри Японии, перетекают в подразделения, а также дочерние и зависимые компании, действующие за пределами страны.

Естественно, что процесс переориентации с японских поставщиков и субподрядчиков на зарубежных контрагентов (естественно, в тех случаях, когда такая переориентация технологически целесообразна и экономически оправданна) в новых условиях протекает легче и интенсивнее. СМИ буквально переполнены сообщениями о планах японских компаний, специализирующихся на производстве тех или иных видов промышленной техники и оборудования, реорганизовать свои производственные системы с усилением роли их зарубежной части.

Характерно и изменение реакции на такого рода сообщения – в силу своей многочисленности они перестали привлекать повышенное общественное внимание и в возрастающей степени воспринимаются как естественная часть позитивного процесса глобализации японского бизнеса.

В качестве еще одной большой темы, связанной с эволюцией характера взаимодействия японской экономики с внешним миром (наряду с темой роста издержек и «вымывания» из отраслевой структуры некоторых ранее важных для нее производств, о чем шла речь выше), в последнее время огромное внимание привлекал вопрос об участии Японии в международных попытках ускорить **интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе.**

Действительно, при всех разговорах о глобализации и диверсификации зарубежных экономических интересов Японии главной их сферой сегодня являются географически близкие к Японии страны Азии (Китай в широком его понимании, включая Гонконг и Тайвань, и страны ЮВА), с одной стороны, и США – с другой. Именно они являются основным объектом проникновения японского капитала и его зарубежных производственных инвестиций, главным местом размещения производственных площадок.

На эти государства приходится также большая часть из почти полутора десятков двусторонних соглашений о так называемом экономическом партнерстве (economic partnership agreements) – японском эквиваленте соглашений о свободной торговле, заключенных Японией с зарубежными странами в последние десять лет. Стандартное содержание такого рода соглашений подразумевает взаимное благоприятствование в области торговли и инвестиций, защиту прав инвесторов и устранение либо снижение таможенных барьеров по оговоренному кругу товаров (и услуг).

Таким образом, участие Японии в попытках подвести под процесс интенсификации хозяйственных связей в Азиатско-Тихоокеанском регионе многостороннюю институциональную основу выглядит логичным и естественным шагом. Однако на практике отношение Японии к интеграционным усилиям в этом регионе всегда отличалось противоречивостью.

С одной стороны, в программных заявлениях практически всех японских правительств последнего десятилетия декларируется приверженность Японии идеям многостороннего сотрудничества в экономической области и максимально возможного устранения барьеров для торговли и инвестиций в отношениях между странами региона на двусторонней и многосторонней основах.

С другой стороны, практические шаги в этом направлении всегда встречали неоднозначное отношение – как деловых кругов, так и отражающих их взгляды и интересы политиков. Особенно рельефно такое отношение проявляется в позиции по вопросу о снижении или ликвидации таможенных и административных барьеров во

взаимной торговле на основе универсальных решений, принимаемых наднациональными коллективными институтами.

Действительно, Япония не только активно участвует, но и стремится повысить свою роль в деятельности различного рода рамочных региональных институтов, документы которых фиксируют «мягкие» договоренности на основе консенсуса и не подразумевают решений прямого действия по конкретным экономическим или административным вопросам. Это касается, в частности, форумов АТЭС, Восточноазиатского саммита, региональных форумов в формате АСЕАН+3 (КНР, Япония и Южная Корея), участия в работе которых японское правительство не только не чурается, но, напротив, активно использует для пропаганды своего международного потенциала и своих взглядов на проблемы регионального сотрудничества.

Совсем иначе в Японии относятся к попыткам создать в регионе зону свободной торговли с участием США, в частности в форме так называемого Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Первоначально запущенный четырьмя малыми странами АТР, этот проект приобрел гораздо более амбициозный характер после того, как желание присоединиться к нему выразило еще пять стран, прежде всего США и Австралия³³.

В формате ТТП были начаты переговоры, целью которых объявлены разработка и подписание нового соглашения, объектом которого были бы не только таможенные пошлины во взаимной торговле, но весь и комплекс связанных вопросов, включая нетарифные барьеры для товарной торговли, фитосанитарный контроль, условия и регулирование трансграничной торговли услугами, систему государственных закупок, меры по защите конкуренции, правовой режим защиты интеллектуальной собственности и др.

США активно приглашают Японию присоединиться к переговорам о новом соглашении, выдвигая, однако, в качестве условия «ясно выраженное желание и готовность» подписать соответствующее объемное соглашение.

Вопрос о присоединении Японии к переговорам о новом соглашении не просто не встретил единодушия в японской властной элите – он фактически расколол ее надвое. Это касается как тех, кто озвучивает в публичном пространстве взгляды и интересы различных слоев и сегментов делового мира, так и японского политического истеблишмента. Ярые противники и сторонники участия Японии в переговорах о создании зоны свободной торговли есть не только в организациях и ассоциациях деловых

---

³³ См. Введение.

кругов, но и в правящей партии, в том числе в ее депутатском корпусе, и даже в нынешнем кабинете министров.

Сторонники идеи «Транстихоокеанского партнерства» в Японии упирают на то обстоятельство, что в силу причин, о которых было сказано выше, японские экспортеры оказываются во все более сложных условиях с точки зрения конкурентоспособности на зарубежных рынках. По их мнению, Япония сегодня просто не может себе позволить ситуацию, когда ее неучастие в планируемой зоне свободной торговли в АТР даст другим производителям, прежде всего американским, дополнительную фору на рынках стран этой зоны. Особенно активно поддерживают этот аргумент крупные японские автопроизводители, но не только они. Активным проводником идеи присоединения к ТТП выступает главная организация делового мира Японии – Федерация экономических организаций («Кэйданрэн»), Японский совет по внешней торговле, ряд других влиятельных деловых ассоциаций страны.

Другой момент, на который делают акцент сторонники присоединения к ТТП – это рост значения зарубежной инвестиционной активности для все возрастающего количества японских компаний, действующих не только в промышленном, но и в финансовом секторе, а также в секторе прочих деловых услуг. Причем это касается уже не только крупных транснациональных корпораций, но и средних по размерам, а в ряде случаев – даже и мелких компаний. Энтузиасты концепции ТТП отмечают, что либерализация режима инвестиций в странах-партнерах Японии по АТР, которая должна существенно облегчить условия деятельности там японских корпораций, для Японии в целом важнее, чем потери, которые некоторые японские производители товаров и услуг могут понести на внутреннем рынке.

Еще один аргумент сторонников присоединения к многосторонней зоне свободной торговли опирается на мнение, что чрезмерная защищенность японских кредитно-финансовых институтов на внутреннем рынке отрицательно сказывается на их способности эффективно действовать на конкурентных зарубежных рынках, что стало тормозом на пути их динамичного развития и причиной переживаемых этим сектором японской экономики серьезных трудностей. Сторонники такой точки зрения считают, что давление со стороны будущих партнеров по «Транстихоокеанскому партнерству» заставит крупнейшие корпорации японского финансового сектора провести внутри себя давно назревшие преобразования и повысить эффективность собственной деятельности.

И все же, несмотря на столь весомые аргументы и поддержку большей части крупного бизнеса, идея присоединения Японии к интеграционному процессу в АТР с участием и по инициативе США наталкивается в стране на чрезвычайно острое сопротивление со стороны существенной части элиты. Накануне саммита АТЭС в Гонолулу в ноябре 2011 г., который администрация США обозначила как критически важный рубеж для определения состава стран, которые будут участвовать в работе над соглашением о зоне свободной торговли в формате «Транстихоокеанского партнерства», против присоединения Японии к этой работе на внепартийной основе выступило значительное число общественных и политических объединений и лидеров. Против позиции премьера, неофициально выразившего осторожную поддержку положительного решения, взбунтовались не только многие низовые организации правящей партии, но и часть ее парламентской фракции.

Вряд ли такое резкое несогласие можно объяснить только солидарностью с позицией японских ассоциаций сельхозпроизводителей и рыболовецких хозяйств, которые опасаются усиления внешнего давления на правительство Японии в направлении ограничения государственной помощи этим хозяйствам и демонтажа механизмов их защиты от внешней конкуренции.

В выступлениях противников концепции зоны свободной торговли, пусть и в приглушенном виде, присутствует мысль о неприемлемости ограничения суверенитета Японии в сфере экономической и бюджетной политики путем передачи права принятия решений по тем или иным вопросам каким-либо многосторонним или наднациональным институтам, причем таким, в которых Япония не будет иметь доминирующей позиции. В проекции на будущее этот аспект имеет гораздо большее значение, чем формально выдвигаемый в качестве главного момента вопрос о защите японского сельского хозяйства или необходимости его реформирования³⁴.

Отчасти, конечно, нынешние протесты – это отражение конкретных интересов конкретных людей. Помимо аграриев, в Японии задумываемое соглашение должно или может затронуть такие чувствительные с точки зрения групповых интересов сферы, как сертификация продуктов питания и лекарственных средств, меры фитосанитарного и ветеринарного контроля, регулирование и лицензирование некоторых видов деятельности,

---

³⁴В этой связи характерно, например, такое заявление, сделанное на депутатском собрании в знак протеста против присоединения к переговорам по «Транстихоокеанскому партнерству» бывшим генеральным секретарем Либерально-демократической партии К. Като: «Мы выступаем против этого и в целом, и с точки зрения аграрной политики. В основе нынешнего движения против «тихоокеанского партнерства» лежит желание нашего народа самому определять, каков будет облик нашей страны» (NHK News 07.11.2011; <http://www3.nhk.or.jp/news/html/20111107/k10013791821000.html>).

в частности в сфере медицинских и страховых услуг. Кроме того, оно требует максимальной открытости процедуры формирования государственных заказов (закупок) и полноценного доступа к ним иностранных фирм, что также затрагивает важные интересы отдельных политических и экономических кланов и групп.

Однако проблема все-таки не сводится к узким частным или групповым интересам. Для оценки возможностей будущего развития событий важно понимать, что японская политическая и деловая элита в целом пока не готова к реальной политической интеграции, пусть даже и в ограниченной сфере торгово-экономической политики, если эта интеграция означает отказ от части имеющегося сегодня суверенитета.

Даже в сфере военной безопасности, где суверенитет страны серьезно ограничен последствиями поражения во второй мировой войне и последующим безальтернативным военно-политическим союзом с США, Япония стремится избегать шагов, которые бы накладывали на нее какие-либо дополнительные ограничения. Тем более ярко это проявляется в экономической политике, где свобода действий правительства в обеспечении национальных экономических интересов рассматривается большинством японских политиков и бюрократов как безусловная ценность.

В этом, кстати, видится принципиальное отличие японской бюрократии от европейской, которая изначально была готова поступиться частью национального суверенитета во имя единого европейского экономического пространства и даже стать частью своего рода наднациональной «европейской» бюрократии.

Идеи формирования единых для большого количества государств регулирующих систем и законов, тем более – наднациональных структур и институтов, на самом деле никогда не пользовались в японском истеблишменте большой популярностью, особенно применительно к своей собственной стране. А долговой кризис в Европе и усиление экономических трений между государствами Евросоюза в последнее время лишь усилили подобные настроения и рассматриваются японскими противниками идеи межгосударственной интеграции в АТР как дополнительный аргумент в свою пользу.

Все это позволяет предположить, что прежняя линия на использование преимущественно двусторонних «соглашений об экономическом партнерстве» с главными экономическими контрагентами и неучастие в многосторонних схемах, ущемляющих возможности японского правительства самостоятельно использовать

необходимые с его точки зрения механизмы экономической защиты и регулирования рынков, будет, скорее всего, продолжена³⁵.

Это тем более вероятно, если принять во внимание крайне сдержанное, если не сказать жесткое, отношение японских властей к идее либерализации трансграничной **миграции рабочей силы**.

Даже такие назревшие решения, как временное и ограниченное организованное привлечение из-за рубежа рабочей силы по наиболее дефицитным ее категориям (например, привлечение младшего и среднего медицинского персонала, а также работников для ухода за инвалидами и престарелыми из стран, с которыми Япония связана соглашениями об экономическом партнерстве, в частности Индонезии и Филиппин), проходят медленно и с трудом, поскольку любая иммиграция рассматривается в Японии как потенциальная угроза внутренней социальной стабильности.

Тем более в стране не готовы принимать решения по такого рода вопросам в условиях внешнего давления и на основании решений каких-то наднациональных структур или соглашений.

Вместе с тем, некоторые сдвиги в направлении **реальной глобализации японской экономики** все же происходят и в среднесрочной перспективе должны получить дальнейшее развитие.

Так, в структуре японской экономики будет происходить рост роли типичных отраслей постиндустриальной экономики, а именно: финансовых услуг, интеллектуальных и информационных услуг бизнесу и населению, услуг в сфере образования и здравоохранения, создания интеллектуальной продукции, а также продукции, имеющей предположительно инновационный характер.

Результатом этого будет, в том числе, общее снижение энерго- и материалоемкости ВВП, снижение объемов импорта для производственных нужд, общее ослабление зависимости японской экономики от внешней торговли. При этом роль экспортного сектора в японской экономике в перспективе будет уменьшаться как за счет более низких темпов прироста экспорта (по отношению к пиковым предкризисным значениям), так и в

---

³⁵ Японские обозреватели, кстати говоря, не упускают случая отметить, что и власти КНР, с которой японский бизнес связывают наиболее тесные и масштабные отношения, скептически относятся к идее формирования общерегиональной тихоокеанской зоны свободной торговли. Китайское руководство считает, что путем заключения интеграционных соглашений с отдельными азиатскими развивающимися странами Китай сможет не только получить больше экономических преимуществ, но и укрепить свой политический вес в регионе.

результате большей транснационализации активности японского крупного и части среднего бизнеса, дальнейшего переноса значительной части его производственных мощностей за пределы Японии.

В рамках общей картины экономических отношений Японии с внешним миром в том виде, в котором она отражается в структуре платежного баланса, возрастет роль поступлений по неторговым статьям баланса текущих операций. Этому будет способствовать увеличение интеллектуально-инновационной ренты, которую японские компании во все большей степени смогут включать в стоимость продукции, продающейся под принадлежащими им международными брендами.

Крупнейшие японские корпорации, обладающие транснациональной структурой производства и сбыта, но сохраняющие при этом четко выраженную японскую идентичность, постепенно приобретают большую гибкость и адаптивность при работе на зарубежных рынках. Можно ожидать роста способности и готовности этих корпораций использовать интеллектуальные, организационные и административные ресурсы, привносимые местным (неяпонским) управленческим персоналом, а также предоставлять своим зарубежным структурам большую свободу и самостоятельность в выборе стратегии и тактики продвижения на локальных рынках.

Наконец, при всех сдерживающих факторах и оговорках и вне зависимости от субъективных предпочтений находящихся во власти политических лидеров Япония объективно будет втягиваться в процесс регионализации экономических потоков в рамках Тихоокеанской Азии.

Политический вес и влияние той части японского бизнеса, которая видит в большей интеграции азиатских рынков шанс для расширения сбыта и оптимизации своей производственной структуры, в перспективе будет расти, что неизбежно найдет отражение и в позиции японского правительства.

При этом, однако, в его политике, равно как и во внешних контактах по линии полуофициальных и неправительственных структур, будет присутствовать стремление сосредоточить ресурсы и усилия на строительстве собственных отношений со странами региона, прежде всего со странами Восточной Азии, в том числе с КНР, и избежать активной вовлеченности в те проекты, в которых доминирующую роль будут играть интересы США.

Японские ТНК и интеграционный процесс в Восточной Азии

Современные крупные корпорации работают на всех товарных и финансовых рынках мира, развивают сети горизонтальных и вертикальных связей поверх национальных границ. Тем самым они создают прочную основу для экономической интеграции. Японские ТНК играют одну из ведущих ролей в том, что в Восточной Азии складывается региональный экономический блок.

Крупный бизнес как форма хозяйственной организации стал выходить за границы национальных экономик более ста лет тому назад, когда возникли и вошли в экономический оборот технологии массового стандартизованного производства, сбыта и коммуникаций. Первыми транснациональными корпорациями, развернувшими сбытовые сети за рубежом, были американские производители офисной техники (*Remington Typewriter*), швейных машин (*Singer*), готовых продовольственных товаров, напитков и сигарет (*Coca Cola, American Tobacco, Nestle*), немецкая электротехническая компания *Siemens & Halske*.

Корпорации строили за границей свои базы снабжения, производственные предприятия, транспортную инфраструктуру. Американская *United Fruit* создала плантационные хозяйства в Латинской Америке и построила свой рефрижераторный флот. Знаменитые «семь сестёр» (*Standard Oil of New Jersey, ExxonMobil, Chevron, Gulf Oil, Texaco, Royal Dutch Shell and British Petroleum*)³⁶ в середине XX века развернули добычу, транспортировку, перегонку нефти и сбыт нефтепродуктов во всей капиталистической части тогдашнего мира³⁷.

В результате опережающего роста филиальной сети ТНК по сравнению с увеличением мирового ВВП удельный вес их продукции в последнем поднялся с 4.5% в 1990 г. до 10.5% в 2010 г. (см. таб. 1). Активы зарубежных филиалов почти втрое превысили кумулятивную сумму вложений «родительских» компаний, так как прибыли филиалов все больше реинвестируются на местах. Суммарный экспорт филиальной сети ТНК стал весомой частью (33%) мировой торговли.

---

³⁶Здесь даны современные названия этих компаний.

³⁷См.: Alfred D. Chandler, Jr. *The Visible Hand. The Managerial Revolution in American Business*. Harvard University Press, 1997; Корвин Эдвардс. *Международные картели в экономике и политике. (Economic and political aspects of international cartels)* Перевод с английского. М.: Иностранная литература, 1947.

Таблица 1. Масштабы и динамика мировых заграничных инвестиций и активов (млрд. долл.)

Показатели	1990	2005-2007 (в среднем)	2010	Прирост (2010/1990, %)
Текущие инвестиции за границу	207	1487	1323	207%
Накопленный капитал за границей	2094	15 705	19 141	914%
Активы зарубежных филиалов	4602	43 324	56 998	1238%
Продукция зарубежных филиалов*	1019	3570	6636	651%
Экспорт зарубежных филиалов	1498	5003	6239	416%
Мировой валовой внутренний продукт	22 206	50 338	62 909	283%
Мировой экспорт товаров и услуг	4832	15 008	18 713	387%

*добавленная стоимость

Источник: UNCTAD, *World Investment Report 2011, Table I.5.*

В настоящее время (по данным на 2010 г.) в мире действует около 40 тыс. транснациональных корпораций, причём примерно 20% из них принадлежат развивающимся странам. Трансграничные операции ведут около 250 тыс. филиалов. ЮНКТАД оценивает масштаб экономической деятельности ТНК в 16 трлн. долл.³⁸ Это чуть менее четверти мирового ВВП (2010 г.).

В 1960-х-1980-х гг. типичным был путь трансграничного предпринимательства на началах горизонтального разделения труда. Он используется и в XXI в. Корпорации развитых стран перемещают значительную часть выпуска готовой продукции за границу, пользуясь сравнительными преимуществами других стран (дешёвым трудом, географическим расположением и пр.), экономя на транспорте, уходя от высоких таможенных тарифов в импортирующих странах и высоких налоговых ставок в странах своего происхождения. Заграничные филиалы производят продукцию той же марки, что и головные компании, или свои модификации (например, FIAT в Италии – SEAT в Испании) для местного спроса. Филиалы становятся базами сбыта и обслуживания в регионах своей дислокации, а затем и за их пределами.

³⁸UNCTAD, *World Investment Report 2011*, P. 25. ЮНКТАД – Конференция ООН по торговле и развитию – с 1991 г. ежегодно публикует доклады о зарубежных инвестициях и деятельности ТНК во всех странах мира (www.unctad.org/WIR).

Горизонтальный тип ТНК развивается при помощи создания новых и совместных предприятий за границей и путём покупки иностранных компаний либо долевого участия в их капитале. В штаб-квартире в стране происхождения обычно находится центр принятия ключевых управленческих решений, финансовый центр, ведутся исследования и разработка новой продукции. Корпорации организуют местные управленческие центры, меняют страны первоначальной регистрации, утрачивают национальную идентичность, становятся глобальными в полном смысле слова.

Благодаря снижению торговых барьеров в рамках многочисленных региональных соглашений, а также благодаря современным средствам транспорта и связи ТНК получили значительную свободу действий.

В 1990-2000 гг. широкое распространение получает **офшоринг** – перемещение компанией части производственного процесса или процесса оказания услуг за пределы своей страны. При этом цикл создания и сбыта законченного товара дробится – **фрагментируется** по стадиям: производство материалов, изготовление компонентов, узлов и деталей для конечной продукции, сборка этой продукции, её продажа, послепродажное обслуживание. Если головная компания владеет компаниями периферии или долями в их капитале, такая **фрагментация** называется **внутрифирменной**.

Фрагментация организуется не только при помощи прямых инвестиций. У «вертикальных ТНК» обычно имеется более широкая периферия, организованная на началах долгосрочных **контрактов по принципу кооперации**. Исполнители контрактов не связаны с заказчиками отношениями собственности³⁹. Такая фрагментация называется **межфирменной**.

Приблизительная оценка масштабов распространения **не-акционерных** (non-equity) форм организации зарубежной хозяйственной деятельности была впервые сделана в последнем докладе ЮНКТАД. Полученная сумма продаж составила более чем 2 трлн. долл. Эти формы организации применяются главным образом в развивающихся странах. В докладе подчёркивается, что не-акционерная модель (соглашения о производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции, контракты на выполнение услуг, договора о франшизе, лицензионные соглашения) – это относительно новое явление, и что эти контракты дают развивающимся и переходным экономикам возможности быстрее встраиваться в мировое экономическое развитие⁴⁰.

---

³⁹Подробнее об этом см.: Mihir A. Desai. The Decentering of the Global Firm. The World Economy, September 2009, P. 1271-1290.

⁴⁰UNCTAD World Investment Report 2011: Non-Equity Modes of International Production and Development, P. iii.

Не-акционерные формы организации – это гибкие контракты с местными фирмами на тот или иной срок. С их помощью ТНК «прощупывают» качество местной рабочей силы, возможности передавать технологии производства и принципы менеджмента и получать продукцию на экспорт. У многих ТНК контрактные, временные сети дополняют сети, организованные на постоянных началах собственности.

Продукция зарубежной филиальной сети (6.6 трлн. долл., см. табл. 2) вместе с соглашениями о производстве деталей или сборке, об аутсорсинге выполнения услуг и пр. составляет примерно 16% мирового ВВП. По контрактам в мире производится 30% автомобильных деталей и узлов, идущих на экспорт. В трудоемких отраслях – производство одежды, обуви и игрушек – удельный вес контрактной продукции в мировом экспорте еще выше⁴¹.

«Японский эшелон» мировых ТНК составляет не менее четверти их общей численности. Японские корпорации стоят на втором месте в мире в списке 2000 глобальных компаний, составленном журналом «Форбс». В нем насчитывается 260 американских, 70 японских, 45 британских и 30 германских компаний и банков⁴². «Японский эшелон» в последние десятилетия растет не столько числом, сколько своей заграничной периферией, которая разрастается сильнее, чем филиальная сеть в самой Японии (см. таб. 2). Правда, японская статистика показывает только число компаний с участием капитала «родительских» компаний в 50% и больше, остальная же периферия остается неучтенной.

Таблица 2. Японские компании с сетью дочерних компаний

Годы	Общее число компаний	Число дочерних компаний в Японии	Число дочерних компаний за рубежом
1991	10 905	55 616	11 999
1995	11 011	58 302	16 499
2000	11 770	57 852	18 710
2005	11 485	53 223	26 348
2008	11 753	54 423	31 355

Источник: «Nihon tokei nenkan» (Japan Statistical Yearbook), 1995, 2009, 2011.

⁴¹Ibid., P. 19.

⁴²The World Biggest Public Companies (www.forbes.com/global 2000).

Институт крупных корпораций в Японии ведет начало от довоенных концернов. Они построили свою внешнюю периферию в Восточном Китае, который служил им базой ресурсного снабжения. Это были колониальные владения. Они были утрачены с поражением Японии во второй мировой войне.

Строительство новой внешней периферии началось в 1970-х годах после отмены фиксированного курса иены и ограничений на вывоз капитала. Оно тоже началось с вложения в разработку сырьевых и топливных ресурсов, но сразу во многих странах, от Ирана до Индонезии, от Австралии до Канады. Затем ведущие компании автомобильной и электротехнической промышленности развернули сеть производственных и сбытовых филиалов на своих главных экспортных рынках – в США и странах Западной Европы – в обход ограничений товарного экспорта.

С середины 1980-х годов, когда повышение курса иены к другим валютам снизило конкурентоспособность товарного экспорта, но удешевило покупку зарубежных активов, заграничные инвестиции японских ТНК в 1985-1989 гг. стали увеличиваться в среднем на 62% в год.

В 1989 г. Япония стала вторым после США международным инвестором, обогнав Англию – в тот год она вывезла 44.2 млрд. долл., или 23% мировой суммы прямых зарубежных капиталовложений (Англия инвестировала за границей 32 млрд., или 16.3%; США – 135.6 млрд., или 69.1%)⁴³. За первое десятилетие XXI в. накопленные активы частных японских компаний за рубежом увеличились в 4 с лишним раза. Но все же по стоимости этих активов Япония в 2010 г. еще не сумела догнать не только США, но и «старых» европейских инвесторов, оставшись на шестом месте в мире⁴⁴.

Прямые инвестиции японских компаний направляются в страны, которые располагают большим внутренним рынком (США и общеевропейский рынок) либо значительными природными ресурсами (Австралия), либо ресурсами дешевой рабочей силы (Китай). Проследив смену направлений внешнеторговых потоков и распределение накопленных инвестиций Японии, можно увидеть, что их движение идет главным образом в сторону Тихоокеанской Азии, где в настоящее время нет единого экономического пространства, но есть сеть региональных соглашений о свободной торговле. Японские ТНК организуют в своем географическом окружении интеграцию «де-факто», не

---

⁴³UNCTAD World Investment Report 1991, P.10.

⁴⁴После США, Великобритании, Франции, Германии и Нидерландов. UNCTAD World Investment Report 2010, Annex Table I. 2, P. 129.

дожидаясь, когда такое пространство будет создано «**де-юре**» по европейской модели интеграции. Если вообще это будет именно так.

Смещение товарных потоков и движения капиталов в сторону ТА началось в последнем десятилетии XX в. (см. таб. 3 и 4). Экспорт японских промышленных товаров, рассчитанный на квалифицированный спрос в США и Европе, переключился на рынки этого региона⁴⁵. В 2010 г. торговля со странами ТА впервые превысила половину всего внешнеторгового оборота Японии.

Китай, страна с самой динамичной в мире экономикой, стал крупнейшим торговым партнером Японии – он оттеснил не только США и Европу, но и остальные страны Восточной Азии вместе взятые.

Таблица 3. Географическая структура внешней торговли Японии (%)

Регионы и страны /годы	экспорт			импорт		
	1990	2000	2010	1990	2000	2010
Всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
Восточная Азия	27.9	37.8	51.7	26.9	40.1	43.3
<i>в т.ч. КНР</i>	2.1	4.0	20.4	5.2	14.4	22.1
<i>АСЕАН-6</i>	9.8	19.6	16.7	9.6	10.5	7.4
Проч. страны Азии	6.2	7.5	7.4	15.9	14.2	12.8
Сев. Америка	36.3	34.5	18.6	27.9	22.2	10.0
<i>в т.ч. США</i>	31.4	27.9	16.2	22.9	19.0	9.7
Европа	23.4	18.5	12.6	15.1	15.1	10.7
Австралия и Новая Зеландия	3.1	2.2	2.8	6.4	4.7	7.0

Источник: «Nihon tokei nenkan» (Japan Statistical Yearbook), 1995, 2009; «Nihon tokei geppo» (Japan Monthly Statistics), November 2011; таможенная статистика министерства финансов Японии.

Вслед за этим буквально в последние годы растут активы японских корпораций в Азии и особенно в Китае. Они уже больше накопленных вложений в Европе, хотя главное поле деятельности японских ТНК – по-прежнему Соединенные Штаты (см. таблицу 5). В

⁴⁵Экспорт в Южную Корею, Китай, Тайвань, Таиланд, Малайзию, Сингапур в первом полугодии 2010 г. был на 46% выше, чем год назад. Здесь и дальше статистические данные приведены по: Japan Monthly Statistics. Statistics Bureau. Tokyo, October 2010 (www.stat.go.jp).

Китае самые большие ресурсы относительного дешевого труда, и там выгоднее создавать производственную базу.

Таблица 4. Структура заграничных активов японских компаний по регионам и странам (на конец года,%)

Регионы и страны /годы	2005	2008	2010
Всего	100.0	100.0	100.0
Восточная Азия	21.9	22.6	23.6
<i>в т.ч. КНР</i>	2.1	4.0	20.4
<i>АСЕАН-6</i>	10.2	19.6	16.7
Проч. страны Азии	0.8	1.1	2.0
Сев. Америка	40.2	32.4	31.6
<i>в т.ч. США</i>	38.7	31.1	30.3
Европа	24.2	24.1	23.3
Австралия и Новая Зеландия	3.3	4.9	5.3

Источник: JETRO International Trade and Investment Report 2011, P. 122.

Ограничение доступа товаров на местные рынки (таможенные тарифы, импортные квоты и пр.) обычно подталкивает производителей и экспортеров к решениям инвестировать в местное производство. Заграничные инвестиции в производственные мощности следуют за потоками товарной торговли с некоторым лагом и сопровождаются созданием сетей сбыта, финансирования и т.д.

В современной международной торговле существенная часть экспорта и импорта проходит по внутренним каналам ТНК, но регистрируется таможенной статистикой по странам происхождения и назначения. Это потоки товаров между головной компанией и ее филиалами и между самими филиалами – движение материалов, компонентов и готовых изделий из страны в страну по внутрифирменным каналам в результате фрагментации снабжения, производства и сбыта.

В настоящее время эти потоки улавливаются только американской статистикой⁴⁶. По оценке Национального бюро экономического анализа примерно треть американского экспорта – это на самом деле внутрифирменные потоки товаров американских ТНК⁴⁷. Статистика европейских стран и Японии такого распределения товарной торговли не

⁴⁶Начиная с 1995 г., Бюро экономического анализа США ежегодно публикует отчет о распределении текущих статей платежного баланса США по собственникам и адресатам (An Ownership-based framework of the U.S. Current Account).

⁴⁷Transfer Pricing by U.S.-Based Multinational Firms. NBER Working Paper No. 12493, August 2006.

рассчитывает. Можно судить о движении товаров, которое непосредственно связано с деятельностью ТНК, по косвенным показателям.

Например, на экспорт автомобильных деталей и компонентов, которые используются для ремонта машин и их конвейерной сборки, приходится всего 5.1% общей суммы японского экспорта. На американский и европейский рынки поступают готовые автомобили (43% всей стоимости проданных за границу машин). Но в Китай и другие страны Восточной Азии продаются всего около 14% готовых машин. Зато в этот регион уходит 38% вывезенных из Японии автомобильных деталей и компонентов – по-видимому, для сборки машин японских марок в этих странах. Главный покупатель – Китай. Другой пример: детали и компоненты для компьютерной техники – небольшая статья японского импорта (6.8%). При этом 85% этой продукции, предназначенной главным образом для сборки, поступает из того же региона. Главный поставщик – Тайвань⁴⁸.

Организация трансграничных цепочек начиналась в небольшой группе отраслей с самой высокой экспортной квотой: в транспортном машиностроении (силами лидеров автомобилестроения *Toyota Motor Corp*, *Nissan Motor*), электротехнике и электронике (*Sony Corp*, *Fujitsu*, *Hitachi Ltd*, *NEC*, *TDK*). За этим последовали ведущий производитель строительной техники *Komatsu Ltd.*, металлургический гигант *JFE Holdings Inc.*, производитель парфюмерии и косметики *Shiseido Corp.*, интернет-компании *Yahoo Japan Corp.* и *DeNA Co.*, сети розничной торговли *FamilyMart*, *Seven-Eleven* и *Fast Retailing* и многие другие.

Вначале корпоративная стратегия японских ТНК в этом регионе состояла в формировании «региональных опорных сетей» для сбыта продукции на внутренних рынках этих стран. Но многие страны этого региона приняли стратегию роста, ориентированную на экспорт товаров (подобно тому, как ее реализовала Япония в середине XX в.), обзавелись своими производителями со своими брэндами и стали поставщиками готовой промышленной продукции и компонентов потребителям во всем мире. Так, Южная Корея построила мощную автомобильную промышленность, теперь за ней следует Китай.

После мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. (или его первой волны, как это представляется в настоящее время) крупные японские корпорации стали буквально выводить свои мощности за границу. Выбор в пользу инвестирования за рубежом

---

⁴⁸2010 г. Подсчитано по данным таможенной статистики. JETRO International Trade and Investment Report 2011, P. 1118-1119; «Nihon tokei geppo» (Japan Monthly Statistics), November, 2011.

определяется устойчивыми рыночными и институциональными обстоятельствами. Высокий курс иены, при котором компаниям выгоднее реинвестировать прибыли за рубежом, чем переводить их в головные офисы, относится к среднесрочным условиям. Институциональное условие, побуждающее капитал уходить за границу – это высокий уровень фискальной нагрузки на прибыли⁴⁹. Результатом становится так называемое «опустошение» национальной экономики.

Компании Восточной Азии конкурируют с японскими производителями и начинают вытеснять их с внутреннего рынка самой Японии. Например, выпуск потребительской техники и электроники «уходит» из Японии в Южную Корею, Китай и на Тайвань. Япония превращается из поставщика в импортера цифровых фото- и видеокамер, мобильных телефонов и смартфонов, ЖК-экранов, кондиционеров, стиральных машин и т. д.

Япония медлит с заключением соглашений о свободе торговли с зарубежными странами и группировками стран. Например, у Сеула есть серия таких соглашений с Соединенными Штатами, странами Евросоюза и Южной Америки. Южнокорейским автомобильным компаниям на последующие десять лет обеспечен сбыт машин в этих регионах без импортных пошлин или по их сниженным ставкам. Все, что могут сделать японские автомобильные компании, – это покупать корейские фирмы для превращения их в экспортную базу из Южной Кореи. Мало того, что тарифы на электроэнергию в этой стране вдвое ниже, чем в Японии. Южнокорейское правительство предоставляет японским компаниям налоговые льготы.

В настоящее время уже очевидно, что это целая новая стратегия бизнеса. Производственные центры переводятся в страны Азии, там же идут слияния с местными фирмами, оттуда компоненты и полуфабрикаты изделий везутся в Японию. Они имеют очевидные ценовые преимущества на рынке Японии при «высокой иене». В свою очередь, она делает покупку иностранных компаний целиком или долей в их капиталах выгодным делом.

В странах АСЕАН создаются целые «хабы», производственные и экспортные центры японских компаний, чему способствует сеть соглашений о свободной торговле между Японией и рядом государств Ассоциации. В Японии остаются центры развития

---

⁴⁹Сумма налогов и отчислений на социальное страхование составляет 50.4% валовой прибыли компаний – против 42.8% в Соединенных Штатах, 41.6% в Великобритании и 31% в Нидерландах. Один лишь налог на прибыль, поступающий в бюджет центрального правительства, отнимает около 40% валовой прибыли. The Nikkei weekly, June 8, 2010.

технологий, планирования глобальных операций и управления валютными рисками. Прибыли все больше реинвестируются на местных рынках с тем, чтобы обойти валютные риски и уйти от высоких налоговых ставок в Японии. По итогам опроса топ-менеджеров компаний, проведенного осенью 2001 г. газетой «Никкэй уикли», 28% респондентов рассчитывают, что уже через три года более 50% их продукции будут выпускать новые заводы за границей⁵⁰.

Землетрясение и цунами, произошедшее 11 марта 2011 г. на северо-западе Японии, показали, что фрагментация производственных процессов уязвима. Трансграничные сети снабжения, соединяющие все стадии обработки, сборки и продаж, разбиваются, если выпадает хотя бы одно звено и нарушаются возможности транспортировки.

Массовое производство среднего уровня нетрудно построить за границей, что и сделали японские корпорации, перенеся сборочные заводы ближе к зарубежным потребителям. Небольшой регион северо-востока Японии включен в эти цепочки, растянувшиеся от Китая до Южной Америки, от Соединенных Штатов до Европы. В районе Тохоку расположены небольшие предприятия, выпускающие по заказам автомобильных компаний *Toyota*, *Suzuki*, *Honda*, *Mazda*, *Nissan* и *Mitsubishi Motors* материалы, детали и компоненты, пигменты для красок, присадки для резины и прочую недорогую, низкотехнологичную, но незаменимую продукцию для множества моделей и модификаций машин.

Комплектующие выпускаются и за границей, однако их «локализация» не является полной. По имеющимся оценкам, около 20% узлов и деталей поставляется из Японии, где легче гарантировать точность обработки и сборки. В префектурах Мияги, Иватэ и Фукусима выпускается электронное оборудование для машин и точные приборы для сборочных линий (92% их идет на экспорт). Остановка поставок этой продукции застопорила движение сборочных конвейеров на головных предприятиях – как в Японии, так и за ее пределами.

Принцип организации производства *just-in-time* (работа без промежуточных складов, сборка «с колес»), разработанный компанией *Toyota* еще в 1970-х годах для автопрома, принят во всех отраслях массового машиностроения многих стран мира в качестве самого экономичного. Катастрофа в Тохоку показала, что при разрыве трансграничных поставок эта жесткая организация подводит как поставщиков, так и сборщиков. Чтобы не потерять место на рынке, японские компании стали спешно искать и создавать поставщиков для себя в Бразилии, Испании, России, Таиланде и Индии.

---

⁵⁰The Nikkei weekly, October 10, 2011.

Аналогичный удар испытали высокотехнологичные производства материалов и компонентов, по которым Япония лидирует в мире⁵¹. Японские ТНК должны отвоевать свои позиции на глобальных рынках и вернуть доверие к качеству своих товаров – свой brand image. У них возникли новые трудности в конкуренции с корпорациями Китая и Южной Кореи за лидерство в Тихоокеанской Азии.

Перемены в политической жизни: новые люди и поиски нового курса

На протяжении 50 лет почти непрерывного нахождения у власти Либерально-демократической партии Японии политический курс японского правительства фактически являлся результатом компромисса между руководством этой партии и превратившейся в мощный социальный слой бюрократией. Однако в последние годы эту конфигурацию попыталась изменить Демократическая партия, победившая на выборах в нижнюю палату парламента в августе 2009 г. под лозунгами обновления политической жизни страны. С этого момента направления и среднесрочные перспективы развития политической системы Японии стали определять три составляющие: ДПЯ, ЛДП и японская бюрократия.

Демократическая партия: борьба за сохранение единства

Осенью 2010 г. в правящей Демократической партии Японии (ДПЯ) произошли серьезные изменения. Уже через 8 месяцев после прихода к власти лидер партии Ю. Хатояма был вынужден уйти с поста премьер-министра. Основными причинами его отставки стали коррупционные скандалы с участием верхушки партии, ухудшение японо-американских отношений из-за проблем с перемещением американской военной базы Футенма с острова Окинава, а также общее недовольство политикой премьера, не сумевшего, по мнению избирателей, продемонстрировать лидерские качества и приблизиться к выполнению предвыборных обещаний. За полгода рейтинг премьера упал с 71% до 25%, что предопределило поражение Демократической партии на выборах в верхнюю палату парламента в июле 2010 г.

---

⁵¹Это предприятия, выпускающие критически важные материалы: алюминиевые субстраты и детали для драйверов жестких компьютерных дисков (*Kobe Steel, Nikko Works* и *Furukawa Electric* держат до 60% мирового рынка этих материалов), кремниевые пластины для смартфонов (*Shin-Etsu Handotai* даёт 15% их мирового выпуска), микросхемы для автомобильных навигационных приборов (60% их выпуска дает *Renesas Electronics*). Корпорация *IHI (Ishikawajima-Harima)* – ведущий поставщик деталей для авиационных двигателей американского авиагиганта *Boeing Co.*

Новый лидер Демократической партии Н. Кан, ставший пятым премьер-министром Японии с осени 2006 г., произвел смену кабинета министров и выступил за пересмотр некоторых предвыборных обещаний партии. Во-первых, Н. Кан попытался улучшить имидж Демократической партии, отстранив от руководства бывшего генерального секретаря ДПЯ И. Одзава и сократив число его сторонников в новом кабинете.

Н. Кан назначил на руководящие должности политиков, известных своей критикой И. Одзавы. На пост генерального секретаря кабинета министров был назначен Ё. Сэнгоку, пост министра финансов занял Ё. Нода, а генеральным секретарем партии стал Ю. Эдано. Эти политики, стоявшие у истоков создания Демократической партии и считавшиеся соратниками Н. Кана, должны были обеспечить поддержку новой политики премьер-министра, основная цель которой состояла в снижении дефицита госбюджета.

Во-вторых, Н. Кан отступил от линии предвыборного манифеста Демократической партии, заявив о необходимости сокращения субсидий и льгот и двукратного повышения ставки так называемого «налога на потребление» (главного косвенного налога в японской налоговой системе, по своему содержанию являющегося налогом на добавленную стоимость) с 5% до 10%.

Несмотря на то, что эти решения в целом не вызывали противодействия в политической среде, а также большинства населения⁵², они противоречили линии партии и заявлениям ее предыдущего лидера, обещавшего не поднимать ставку налога в течение 4-х лет. Поэтому действия Кана вызвали недовольство в партии, прежде всего у И. Одзавы и его сторонников, выступавших за сохранение предвыборных обещаний в их неизменном виде.

Личность И. Одзавы неоднозначно оценивается в самой партии и ее избирателями. И. Одзава называли «закулисным кукловодом», причастным к коррупционным скандалам, но одновременно и наиболее ярким политиком в Японии за последнее десятилетие, приведшим некогда раздробленную Демократическую партию к власти. Именно он сумел сплотить вокруг себя представителей разных политических сил, а также привлечь в партию молодых политиков, обязанных ему своей карьерой и являющихся в силу этого его преданными сторонниками.

---

⁵²По данным опросов населения, проводимых газетой Асахи, 46% населения поддерживают увеличение НДС. В то же время неумелая презентация планов по повышению налогового бремени вызвала всеобщее недовольство (<http://mansfieldfdn.org/backup/polls/>).

И. Одзава был лидером партии до мая 2009 г., когда из-за обвинений в использовании политических пожертвований для покупки земельного участка он был вынужден уйти с этого поста, передав его Ю. Хатояме. Тем не менее, И. Одзава сумел сохранить свое влияние в партии. Летом 2010 г. в «группу Одзавы», по разным оценкам, входило от 130 до 150 парламентариев от Демократической партии (из 412 человек в обеих палатах парламента). В таких условиях в сентябре 2010 г. состоялись выборы лидера Демократической партии, на которых И. Одзава претендовал на этот пост наряду с ее действующим генеральным секретарем Н. Каном. На голосовании, проводившемся среди членов парламента, разница между кандидатами составила лишь 6 голосов в пользу Н. Кана (206 против 200). Однако последнему удалось получить поддержку в региональных отделениях партии и среди ее рядовых членов, которая и обеспечила ему окончательную победу.

Сохранив свой пост, Н. Кан продолжил борьбу с влиянием И. Одзавы. В сентябре 2010 г. он произвел перестановку в кабинете министров, заменив 10 из 17 его членов. Ни один из сторонников Одзавы не был назначен на руководящие должности в новом кабинете, хотя несколько представителей «группы Одзавы» заняли посты старших заместителей министров и парламентских секретарей в министерствах.

В феврале 2011 г. Н. Кан решил приостановить членство И. Одзавы в Демократической партии до тех пор, пока не будет доказана его невиновность в приписываемых ему финансовых нарушениях. В ответ 16 членов парламента от Демократической партии, среди которых был и бывший генеральный секретарь кабинета министров Х. Хирано, объявили о намерении выйти из партийной фракции в нижней палате парламента. Это позволило бы им открыто критиковать политику кабинета министров, а также выступать против правительственных инициатив на голосовании. После того как сторонник И. Одзавы К. Мацуки, занимавший должность парламентского секретаря в министерстве сельского хозяйства, покинул свой пост в знак недовольства действиями премьер-министра, стало очевидно, что попытка Н. Кана снизить влияние И. Одзавы привела к серьезному расколу внутри Демократической партии.

Национальная трагедия, с которой столкнулась Япония в марте 2011 г., не смогла сплотить партию и приглушить требования смены премьер-министра и кабинета, все сильнее высказывавшиеся членами ДПЯ. Когда в июне 2011 г. оппозиция поставила на голосование вопрос о доверии к премьер-министру, в Демократической партии всерьез обсуждалась возможность выступления некоторых ее депутатов против своего лидера.

Предотвратить этот акт неповиновения смогло лишь его заявление о намерении покинуть свой пост после улучшения ситуации на аварийной атомной электростанции, сделанное перед голосованием. Наконец, 29 августа 2011 г. Н. Кан завершил свое премьерство, ставшее, пожалуй, самым тяжелым за последнее десятилетие.

Важнейшей задачей нового премьер-министра Ё. Ноды стало примирение со сторонниками И. Одзавы. Несмотря на то, что членство в партии самого Одзавы так и не было восстановлено, Нода назначил его сторонников на ключевые посты в кабинете и партии. «Правая рука» Одзавы К. Ямаока был назначен министром национального благосостояния, генеральным секретарем Демократической партии стал политический ветеран, сторонник И. Одзавы А. Косииси, а бывший секретарь Одзавы Т. Хидака стал заместителем генерального секретаря ДПЯ. С другой стороны, важную роль в новом кабинете играли и сторонники самого премьер-министра. Так, О. Фудзимура занял второй по важности в стране пост генерального секретаря кабинета министров, а вторым лицом в ДПЯ (действующим генеральным секретарем) стал С.Тарутоко, учившийся вместе с Нодой в университете.

При формировании своего кабинета Нода попытался согласовать интересы различных партийных групп. Он намерен в целом сохранять курс, проводившийся Н. Каном. Главной задачей кабинета Ё. Нода считает проведение восстановительных работ в пострадавших регионах, а также полную ликвидацию последствий аварии на атомной электростанции «Фукусима-1».

Серьезной проблемой остается восстановление энергообеспечения промышленных и жилых объектов, в том числе с использованием атомной энергетики. При этом остается не совсем понятной судьба атомных электростанций, остановленных на проверку после аварии на «Фукусиме-1». Правительство планирует закрыть атомные электростанции, не отвечающие требованиям безопасности, однако их точное количество до сих пор не известно. По заявлению премьер-министра, строительство новых атомных электростанций (на март 2011 г. в планах строительства значились 14 АЭС) в Японии будет отложено на неопределенный срок.

Помимо этого, новое правительство считает приоритетной задачу оживления японской экономики, для чего планируется разрабатывать меры по борьбе с дефляцией, оказывать помощь малым и средним предприятиям, а также проводить мероприятия по сокращению дефицита бюджета. Для этого Ё. Нода намерен осуществить ряд налоговых мер, в первую очередь повышение ставки НДС до 10%.

В целом, состав нового кабинета министров можно считать достаточно сбалансированным, а политический курс – отвечающим задачам восстановления страны после стихийного бедствия. Имидж нового премьер-министра как политика «с чистыми руками», не замешанного в серьезных скандалах, способен обеспечить поддержку среди населения. В то же время, поскольку в Японии до сих пор громко звучат призывы к роспуску парламента и проведению досрочных выборов, жизнеспособность кабинета и его политического курса будет зависеть от того, сможет ли Ё. Нода получить одобрение своих действий, как со стороны собственной партии, так и оппозиции.

Либерально-демократическая партия: главная сила оппозиции

Поражение Либерально-демократической партии (ЛДП) Японии на выборах в нижнюю палату парламента и ее переход в оппозицию ознаменовали новую веху в истории самой ЛДП и японской политики в целом. Создание двухпартийной системы в Японии было главной задачей избирательной реформы, проведенной правительством ЛДП в 1994 г. Тогда вместо многомандатных избирательных округов при выборах в нижнюю палату парламента была принята схема, при которой большинство парламентариев (300 из 418) избиралось по одномандатным избирательным округам.

При этом сохранились и пропорциональное представительство, и голосование по многомандатным округам. Такая смешанная система, заимствованная в Великобритании, создала условия для того, чтобы Демократическая партия, набиравшая силы в качестве второй крупнейшей партии страны, смогла получить достаточное представительство в парламенте, а в 2009 г. и вовсе занять в нем большинство мест.

Вместе с тем, оказалось, что ЛДП оказалась не готовой к своему новому статусу – главной оппозиционной силы. Во-первых, после поражения на выборах в нижнюю палату парламента ЛДП покинули несколько десятков ее членов. Вероятно, наиболее ярким из них был Ё. Масудзоэ – депутат верхней палаты парламента, бывший министр здравоохранения, труда и благосостояния в кабинетах Я. Фукуды и Т. Асо.

Масудзоэ пользовался большой популярностью среди членов ЛДП и ее избирателей и претендовал в 2009 г. на пост ее нового лидера. Выйдя из ЛДП, Масудзоэ создал парламентскую группу под названием «Новая партия возрождения» (*Синто кайкаку*), в настоящее время имеющую два места в верхней палате парламента. Кроме того, в апреле 2010 г. ЛДП покинули бывший министр финансов К. Ёсано, бывший заместитель генерального секретаря партии Х. Сонода, а также члены верхней палаты парламента Т. Фудзии и Ё. Накагава. Политики организовали Партию восходящего

солнца (*Tamagara Huppon* или «Поднимайся, Япония»), имеющую три депутатских места в верхней палате и два – в нижней палате японского парламента.

Во-вторых, ЛДП лишилась важных источников своего финансирования. Японская федерация экономических организаций (Кэйданрэн), финансировавшая примерно десятую часть бюджета ЛДП, в 2010 г. объявила о приостановлении своих взносов, сократились и поступления от частных лиц. За 2009-2010 гг. партия потеряла около 3.4 млрд. иен доходов (для сравнения – весь ее бюджет в 2010 г. составил 10.2 млрд. иен).

В-третьих, партия переживала «идейный кризис». Когда политики из ЛДП оказались отрезанными от бюджетных денег, оказалось, что им практически нечего предложить своим избирателям. Наследственность партийных мест, незначительное число молодых политиков, система политических фракций – все это отталкивало от ЛДП ее сторонников, число которых в конце 2009 г., по оценкам, сократилось до 1 млн. чел. по сравнению с 5.4 млн. в 1991 г.⁵³

Тем не менее, недовольство избирателей политикой Демократической партии во время нахождения на посту премьер-министра Ю. Хатоямы не позволило ей закрепить успех и сохранить большинство в верхней палате парламента. Победа ЛДП изменила ситуацию в японском парламенте. Тот факт, что представители от Демократической партии вместе с партнерами по правящей коалиции⁵⁴ не имели 2/3 мест в нижней палате парламента, необходимых для проведения законопроектов без одобрения верхней палаты, вынуждал правящую партию вступать в переговоры с оппозицией для принятия важнейших решений.

В таких условиях руководство Либерально-демократической партии сконцентрировалось на критике и противодействии действиям правительства. Во-первых, представители ЛДП несколько раз поднимали в верхней палате парламента вопрос о доверии к членам кабинета министров. Генеральный секретарь кабинета министров К. Ёсано, министр транспорта С. Мабути и министр юстиции М. Янагида были вынуждены уйти в отставку из-за критики со стороны оппозиции. В июне 2011 г. ЛДП провела решение о постановке на голосование вотума недоверия в отношении премьер-министра Н.Кана, который был отклонен только после его обещания добровольно уйти в отставку.

---

⁵³Yuichi Suzuki, Keita Ikeda. LDP stuck in political wilderness (<http://www.yomiuri.co.jp/dy/national/T110124004388.htm>).

⁵⁴На выборы в Нижнюю палату японского парламента Демократическая партия шла в коалиции с Социал-демократической партией и Новой народной партией. Однако 30 мая 2009 г. лидер Социал-демократической партии М. Фукусима заявила о выходе партии из коалиции из-за решения премьер-министра согласиться на перенос аэродрома американской авиабазы Фугенма без переноса ее за пределы префектуры Окинава.

Во-вторых, ЛДП заняла непримиримую позицию по отношению к проекту бюджета, предлагаемого правительством. Для выпуска новых государственных облигаций, необходимых для покрытия дефицитных статей бюджета, требовалось одобрение верхней палаты. Оппозиция потребовала отказаться от расходов на детские субсидии, составлявших основу предвыборных обещаний Демократической партии. После катастрофы 11 марта 2011 г. уже само правительство было вынуждено пересмотреть расходные статьи бюджета. От детских пособий решили отказаться, а значительная часть доходов, полученных от выпуска государственных облигаций, должна была пойти на восстановление регионов, пострадавших от стихийного бедствия и аварии на атомной электростанции. 25 марта 2011 г. премьер-министр выступил с предложением к оппозиции о создании временной коалиции для принятия бюджета. Как и ожидалось, лидер ЛДП С. Танигаки его отклонил. Полный отказ от детских пособий, смена кабинета министров и отставка премьера потребовались для того, чтобы были приняты два дополнительных бюджета: один в сумме 4 трлн. иен – в мае и еще один, в сумме 2 трлн. иен – в июне 2011 г.

Работа с оппозицией, не прекращавшей нападки на правительство Демократической партии, стала приоритетным направлением для нового кабинета министров. Через несколько дней после своего назначения премьер-министр Ё. Нода встретился с лидерами оппозиционных партий, призвав их к сотрудничеству. На повестке дня: принятие третьего дополнительного бюджета, закон о повышении НДС, решение о начале переговоров о присоединении Японии к Транстихоокеанскому экономическому партнерству. И ЛДП, и ДПЯ занимают одинаковые позиции по этим вопросам. И именно поэтому ЛДП потребует от правящей партии пойти на серьезные политические уступки в обмен на свою поддержку.

К сожалению, практически единственным политическим требованием оппозиции является уход правительства в отставку и роспуск парламента. ЛДП обвиняет ДПЯ в недееспособности и, естественно, стремится к возврату власти в стране. В таких условиях от оппозиции не стоит ожидать конструктивных предложений, она и дальше будет пытаться саботировать деятельность правительства, практически не предлагая взамен своих вариантов решения тех или иных проблем.

Согласно опросам, большинство японских избирателей (64%) поддерживают стремление Демократической партии создать коалицию с оппозицией для решения

проблем по реконструкции пострадавших регионов⁵⁵. Однако политические распри снижают доверие к правительству и депутатам, а также политической системе в целом. Фактически половина населения (49%) не поддерживает ни одну из политических партий. Стало традицией последних лет быстрое падение рейтингов премьер-министров и это является серьезной проблемой для устойчивого функционирования кабинета министров.

Японская бюрократия: хаос вместо реформ

Одним из главных предвыборных обещаний Демократической партии было создание «правительства, возглавляемого политиками, а не чиновниками». Для достижения данной цели требовалось сократить влияние бюрократии на выработку и принятие решений, отдав основные полномочия выборным политикам.

Демократическая партия попыталась ослабить связи между чиновниками и бизнесом.

Во-первых, для этого планировалось взять под контроль систему общественных работ, проведя ревизию выделения государственных средств, а также ужесточив закон, запрещающий сговор между бизнесменами и чиновниками при проведении государственных закупок. Кроме того, ДПЯ обещала покончить с практикой переходов чиновников в частные компании из курируемых ими отраслей бизнеса после выхода на пенсию.

Во-вторых, требовалось ослабить влияние бюрократии на формирование бюджетной политики государства. Одно из направлений – реформирование системы подачи бюджетных заявок министерствами с тем, чтобы позволить членам кабинета министров самим определять приоритетные направления выделения средств.

В соответствии с этим при премьер-министре было создано Национальное стратегическое бюро с целью выработки политики для всех министерств. В июне 2010 г. Бюро обнародовало «Новую стратегию роста», в которой обозначило основные мероприятия, необходимые для успешного экономического и политического развития Японии. В стратегии было выделено шесть приоритетных областей, которые к 2020 г. должны стать очагами экономического роста: экология, медицина, наука, туризм, решение проблем занятости, а также развитие торгово-экономических связей с азиатскими странами.

---

⁵⁵Survey: 64% support grand coalition (<http://www.yomiuri.co.jp/dy/national/T110404004307.htm>).

ДПЯ провела также ряд мероприятий, направленных на снижение роли высших государственных чиновников. В частности, были отменены совещания заместителей министров, на которых проходило согласование политики, проводимой министерствами. Во времена господства ЛДП встречи заместителей министров являлись символом власти чиновников над политиками: на этих встречах формировалась повестка дня работы министерств, а также составлялся перечень документов, которые должны были быть подписаны на заседаниях кабинета министров.

Взамен Демократическая партия предложила систему «тройного контроля» над министерствами. Занимая посты министров, старших заместителей министров и парламентских секретарей, представители Демократической партии должны отвечать за проведение в каждом министерстве решений, вырабатываемых правительством. Кроме того, партия намеревалась установить контроль над высшими должностными лицами в министерствах, создав Бюро по контролю над персоналом при Секретариате кабинета министров.

Однако очень скоро обнаружилось негативные последствия устранения бюрократии от принятия важнейших решений. Поскольку чиновники из министерств не могли влиять на выработку бюджетной политики государства, она оказалась практически полностью сосредоточенной в руках министерства финансов. Рост значимости министерства финансов проявился, в частности, и в том, что возглавлявшие его Н. Кан и Ё. Нода впоследствии переместились в премьерское кресло.

Представители Демократической партии, работавшие в министерствах, оказались недостаточно компетентными для того, чтобы принимать самостоятельные решения без помощи чиновников. Именно отсутствие координации внутри министерств и между ними стало причиной несвоевременной реакции правительства при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Такая несогласованность проявилась, в частности, во время событий сентября 2010 г., когда китайское рыболовное судно столкнулось с катером береговой охраны японских сил самообороны в Восточно-Китайском море вблизи спорных островов Сэнкаку (Дяоюйдао, Дяоюйтай). Поскольку в это время Н. Кан производил перестановку в своем кабинете министров, правительство не смогло быстро отреагировать на сложившуюся ситуацию, вследствие чего задержанный капитан китайского судна в течение 16 дней находился в Японии. Это стало причиной серьезного дипломатического скандала между Китаем и Японией, приведшего к приостановлению официальных контактов между двумя государствами.

Серьезной критике подверглись действия правительства ДПЯ и во время стихийного бедствия и атомной аварии в марте 2011 г. Например, узнав об утечке радиации, премьер-министр Н. Кан принял решение самостоятельно облететь атомную станцию на вертолете. По мнению общественности, это свидетельствовало об отсутствии у него адекватной информации от соответствующих органов государственной власти. Когда президент верхней палаты парламента Н. Такэо, заместитель генерального секретаря кабинета министров Ё. Сэнгоку и заместитель министра финансов С. Мицуру фактически сформировали собственную рабочую группу для ликвидации последствий стихийного бедствия, это поставило под сомнение способность премьер-министра руководить деятельностью своего кабинета. Однако, как представляется, отставка Н. Кана стала свидетельством не только отсутствия у него лидерских качеств, но и несостоятельности реформы государственного управления, предложенной Демократической партией.

В результате, правительство оказалось вынужденным пересмотреть позицию в отношении некоторых административных изменений. Были восстановлены функции существовавшего при ЛДП Комитета для выработки политической линии (Policy Research Committee), являвшегося совещательным органом, включающим представителей кабинета министров и правящей партии. При этом Н. Кан заявлял о необходимости главы этого комитета быть членом правительства, а его преемник Ё. Нода не считает это условие обязательным. Первым главой нового комитета стал С. Маэхара, не вошедший в новый состав кабинета министров. Тем самым Ё. Нода отошел от линии Демократической партии, согласно которой принятие политических решений должно быть сосредоточено исключительно в руках правительства (правда, С. Маэхара – видный член ДПЯ).

Предпринимались меры для восстановления нарушенных связей с бюрократией. В декабре 2010 г. правительство Н. Кана разрешило заместителям министров присутствовать на заседаниях кабинета. В апреле 2011 г. создается специальный Координационный совет, куда вошли заместители министров в качестве представителей всех министерств. Основная текущая задача совета – помощь правительству в ликвидации последствий стихийного бедствия и аварии на атомной станции. В сентябре 2011 г. Ё. Нода восстановил еженедельные совещания заместителей министров. Ожидается дальнейший отход от практики «подавления бюрократии», налаживание утраченных связей между кабинетом и чиновничеством и расширение сфер его привлечения к выработке государственных решений.

Как представляется, стабильность и единство взглядов в кабинете министров и партии является необходимым условием для проведения успешной государственной

политики. Однако отказ от предвыборных обещаний может иметь нежелательные последствия для будущего Демократической партии, что подтверждается снижением рейтинга партии.

А.Н. Федоровский

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: ОТ КРИЗИСА К ОБНОВЛЕНИЮ

В начале второго десятилетия XXI в. Республика Корея (РК) оказалась перед необходимостью в очередной раз найти ответ на вопрос о выборе дальнейшей стратегии развития. В своей новейшей истории независимому государству, образовавшемуся на юге Корейского полуострова после Корейской войны, приходится искать подобное решение уже в третий раз. Впервые вопрос о будущем страны был поставлен в начале 1960-х годов и решился в пользу концепции «догоняющего развития», предполагавшей ускоренную индустриализацию, направляемую авторитарным режимом.

Выполнив поставленную задачу и войдя в число промышленно развитых государств, РК на рубеже XX-XXI вв. оказалась перед необходимостью вновь установить ориентиры развития. Азиатский структурно-финансовый кризис 1997-98 гг. поставил на повестку дня вопросы обеспечения сбалансированности экономической, политической и социальной систем. С этой целью пришлось отказаться от практики финансирования приоритетных отраслей и приближенного к власти бизнеса при посредстве подконтрольных государству банков, допустить в банковско-кредитную систему иностранный капитал, добиться реструктуризации и повышения прозрачности крупного бизнеса, обеспечить на практике конкурентные отношения, повести широкомасштабную системную борьбу с коррупцией.

В результате, правящие элиты в начале 2000-х годов под контролем и давлением гражданского общества смогли в основном преодолеть унаследованный политической системой авторитаризм, а в социальной сфере приступить к демонтажу корпоративизма. Однако глобальный экономический кризис 2008-2009 гг. в очередной раз подверг испытаниям южнокорейскую экономику, одновременно бросая ей новые вызовы и вынуждая искать адекватные им ответы.

Уроки и выводы антикризисной экономической политики

Глобальный кризис вызван глобальными же причинами, среди которых ключевое значение имеют пороки современной мировой финансовой системы. Сложившийся в конце XX в. в развитых странах стабильный рост на фоне низкой инфляции привел к недооценке рисков. Подъем экономики Китая и других развивающихся рынков, дал возможность использовать в стратегии бизнеса дополнительные импульсы, исходящие и

со стороны спроса, и со стороны предложения. Он раздвинул рамки приложения капитала, что требовало все большей подпитки финансового сектора ликвидностью.

Облегчение доступа к кредитным ресурсам спровоцировало формирование то в одной, то в другой стране (среди них Япония и Республика Корея) различного рода «пузырей» (потребительского кредитования, ипотечного). В условиях недостаточного внимания к возросшей мобильности капитала со стороны регулятора эти сегменты экономики стали зоной повышенного риска.

Колебания экономической конъюнктуры усиливались проявлением в ключевых экономических центрах мира (США, ряде стран ЕС, Японии) проблем несбалансированности бюджета, торгового и платежного балансов, давления долговых обязательств, а также взрывным характером движения спекулятивного капитала.

Оказалось, что возникавшие в связи с этим в финансовой сфере нестыковки некому сглаживать потому, что глобальные финансовые рынки требуют присутствия адекватных по степени влияния и механизмам воздействия финансовых институтов, в то время как до сих пор преобладают инструменты и регуляторы национальные по своему характеру. Другой аспект проблемы связан с тем, что транснациональные корпорации, банки, финансовые холдинги могут действовать одновременно в разных секторах международного финансового рынка, тогда как регуляторы в той или иной степени ориентированы на отдельные сектора.

С этим связаны трудности поиска в рамках различных международных форматов («восьмерка», «двадцатка», различные региональные форумы) возможных согласованных антикризисных мер, позволяющих перейти к восстановлению глобальной экономики, поскольку они связаны с изменениями правовой системы регулирования финансовых рынков, а такого рода задачи всегда тяжело поддаются решению.

Между тем актуальные потребности мировой экономики не ограничиваются темой преодоления кризиса и возобновлением экономического роста. Речь идет о необходимости запуска алгоритма полноценного восстановления функционирования хозяйственного механизма, который одновременно обеспечивал бы формирование нового качества роста.

«Выход из кризиса, – метко отмечает южнокорейский экономист Чон Кван У, – как лечение больного в больнице, сначала надо действовать быстро и решительно, на фазе выздоровления – медленно и осторожно»⁵⁶.

---

⁵⁶JunKwang-Woo.Beyond the Crisis. Korea's Emergence from the Global Financial Storm of 2008. – Seoul, 2010.P. 132.

Описываемый южнокорейским экспертом, занимавшим в период кризиса ответственный пост в правительстве, характер действий администрации Ли Мен Бака объясним: быстрое принятие оперативных мер призвано заблокировать кризисные процессы. Затем, стабилизировав ситуацию, необходимо переходить к выстраиванию механизма решения долгосрочных задач. Учитывая глубину и масштабность кризиса, правящей администрации пришлось считаться с длительным периодом отдачи от реализации принятых мер.

В этих условиях скорость выхода из кризиса становится не главным приоритетом. Такая постановка вопроса подразумевает более широкий подход к выработке антикризисной политики, которая должна затрагивать модификацию структурной, инновационной, внешнеэкономической стратегии, а также пересмотр социальной приоритетов. Анализируя в этом контексте антикризисную политику РК, можно проследить то, в какой степени проводимые меры закладывают базис стратегии очередной комплексной модернизации южнокорейской экономики.

В своих оперативных действиях южнокорейское правительство закономерно руководствовалось уроками, полученными в период финансового кризиса 1997-1998 гг. Данное обстоятельство позволило РК оказаться лучше подготовленной к реагированию на кризис 2008 г. по сравнению со многими другими государствами. В тот период были созданы институты, прошедшие апробацию в кризисных условиях, осознана потребность в обеспечении реактивности принимаемых решений, сложилась группа высококвалифицированных специалистов, способных действовать в экстремальной ситуации.

При первых признаках кризиса был создан Специальный комитет экономического планирования во главе с президентом Ли Мен Баком. В состав комитета были включены главы министерства стратегии и финансов (МСФ), глава КФР, директор Банка Кореи, специальный помощник президента по экономическим вопросам, глава секретариата президента.

В рамках комитета были созданы четыре рабочие группы: 1) группа по вопросам общего планирования и макроэкономики; 2) группа реальной экономики и МСБ; 3) группа по финансовым вопросам и проблемам реструктуризации; 4) группа по вопросам занятости и социальным вопросам. Практическое согласование деятельности этих рабочих групп осуществлялось в рамках Центра ситуационного анализа экономических проблем.

Задача комитета состояла в решении наиболее злободневных проблем, таких как поддержка малого и среднего бизнеса, низкодоходных групп населения и т.д. Провозглашенный Ли Мен Баком принцип – выработка мер «в открытом режиме», не полагаясь на единственное предложенное экспертное решение.

Рассматривая меры по финансовой стабилизации в качестве ключевого элемента антикризисной политики, администрация Ли Мен Бака установила зону ответственности каждого органа, связанного с регулированием финансовых процессов, в том числе Комиссии по регулированию финансовых рынков (КФР), Банка Кореи (БК), министерства стратегии и финансов (МСФ). Этот рутинный аспект выработки необходимой политики очень важен, поскольку, как показал предшествующий южнокорейский опыт, конкуренция ведомств, распыление ответственности и другие пороки административной неразберихи серьезно осложняют работу правительства в чрезвычайных обстоятельствах.

В итоге за МСФ была закреплена бюджетная политика, целями которой были заявлены не только поддержание необходимого равновесия доходов и расходов, но и, кроме того, создание рабочих мест и стабилизация уровня жизни, а также сохранение динамики развития внешнеэкономических связей. КФР отвечал за стабилизацию финансового рынка, поддержку кредитования компаний, реструктуризацию бизнеса. Наконец, Банк Кореи в рамках своей компетенции занимался поддержанием валютного курса и обеспечением экономики валютной ликвидностью.

Подобно ряду других стран власти РК использовали для борьбы с последствиями кризиса масштабный пакет финансовых стимулов. Этот пакет был задействован практически в полной мере и в чрезвычайно сжатые сроки. Так, 60% выделенных в 2009 фин. г. бюджетных средств, которые намечалось потратить на протяжении полугода, на практике оказались реализованы в течение первого квартала. Исследование, проведенное южнокорейскими экспертами, показало, что эффективность применения выделенных средств в начале финансового года гораздо выше, чем их использование, растянутое на весь бюджетный период. Полученный от оперативных финансовых вливаний эффект сопоставим с дополнительным приростом ВВП в 0.7% или созданием 48 тыс. рабочих мест (с. 132)⁵⁷.

Важный вопрос касается широты проблем, охватываемых принимаемыми антикризисными решениями. В российских условиях в аналогичных ситуациях акторы,

---

⁵⁷Ibidem.

как правило (осознано или не осознано), действуют, исходя из известного ленинского тезиса – «ухватиться за решающее звено, чтобы вытянуть всю цепь...».

В Республике Корея возобладал другой подход. Поскольку нет гарантии, что можно сразу ухватиться за ключевое звено, которое вытащит все остальное, а старые теоретические наработки могут не учитывать новых условий, южнокорейские власти полагают целесообразным принять ряд последовательных шагов и отслеживать получаемую отдачу. По всей видимости, действовать таким образом команду Ли Мен Бака (опытного в прошлом руководящего менеджера бизнес-группы «Hyundai») подталкивал опыт антикризисных программ, применяемых в южнокорейских чэболь, которые традиционно дифференцируют риски при принятии важных решений.

Правительственные меры по поддержанию ликвидности включали:

- 1) предоставление гарантии платежеспособности банков по международным обязательствам;
- 2) обеспечение бесперебойного доступа банковско-кредитных институтов к валютной ликвидности;
- 3) своповые соглашения с США, Японией, Китаем.

Хотя не во всех заявленных первоначально своповых сделках возникла нужда, сама возможность их реализации при необходимости сбила спекулятивный ажиотаж на валютном рынке и существенно оздоровили экономическую ситуацию в целом. В ином случае задержки с выплатами краткосрочных долгов и угроза сокращения объема внешней торговли из-за спросовых ограничений грозили обрушить кредитный рынок и подорвать валютную устойчивость. В этих условиях своповые соглашения, подкрепив финансовые резервы, сыграли роль амортизатора, в конечном итоге стабилизировавшего кредитную систему.

Таким образом, поддержание адекватных условий финансирования внешней торговли оказалось, по существу, более насущной проблемой, чем противостояние угрозе протекционизма. Таким образом, усилия, предпринятые Банком Кореи по поддержанию финансирования внешнеторгового оборота посредством обеспечения валютной ликвидности, стали условием устойчивости экономики РК в момент кризиса и ее посткризисного развития, в значительной степени зависящего от экспорта.

По мере углубления кризиса, выразившегося в усилении кредитных рисков и появлении проблем с обеспечением ликвидностью реального сектора, правительство в качестве *оперативных мер* пошло на обеспечение спроса на ликвидность за счет снижения

процентной ставки. Был также создан Фонд стабилизации рынка облигаций. Помимо обеспечения устойчивости банковского сектора, правительство, с тем чтобы предотвратить наметившееся снижение темпов роста и упрочить потенциал восстановительных тенденций, в качестве *стратегических мер* поддержало корпоративную реструктуризацию, оказание финансовой поддержки таким потенциально слабым звеньям реального сектора, как малый и средний бизнес, а также строительные компании, серьезно пострадавшие из-за падения внутреннего спроса.

Стремление избежать расширения кризисных процессов предопределило участие государства в предотвращении возникновения «деструктивных очагов» в экономике. Одной из важнейших стимулирующих мер стало усиление роли государственного финансирования в тех областях деятельности, в которых были велики риски краха. На практике это нашло свое выражение в том, что правительство в первоочередном режиме через контролируемые им банки KDB, IBK, KEHIM вложило в соответствующие фонды 21 трлн. вон (или 22.3% от общего объема финансирования). Далее, с тем, чтобы быть в состоянии увеличить кредитование реального сектора правительство пошло на увеличение своих капиталовложений, предполагающих частичное или полное владение предприятиями, в такие государственные и полугосударственные инвестиционные компании как KIBOTechnologies, KODIT, IBK and KDB.

Целью данных мероприятий не было проведение (под каким либо видом) национализации или увеличение доли госсектора в экономике. Опираясь на эти меры, правительство могло гарантировать выплаты по кредитам предприятиями малого и среднего бизнеса, а также через уполномоченные структуры помогало точно решать проблемы на микро-уровне, вызванные недостаточной ликвидностью. Объем предоставленных платежных гарантий увеличился за 2009 г. на 1.8% ВВП⁵⁸.

Все эти меры дали положительные результаты: банки избежали дефолта и возобновили и даже увеличили внешние среднесрочные и долгосрочные займы, удалось не допустить недоверия к воне, было обеспечено возвращение кредитования малого и среднего бизнеса к докризисному уровню. В конечном итоге, все это привело к быстрому восстановлению экономики.

Главная отличительная черта южнокорейской антикризисной политики состоит в осторожном использовании регулирующих мер, минимальном государственном вмешательстве и приоритете рыночных принципов. Руководство Республики Корея

---

⁵⁸Ibid., P.133.

отслеживало принимаемые в США, ЕС и Японии антикризисные меры, проводило постоянные консультации, информировало своих партнеров и международные организации о предпринятых шагах, однако не стремилось кого-либо в чем-то копировать.

Правительство, решительно выступало за сохранение рыночных принципов в экономике, за жесткое соблюдение бюджетной дисциплины, регламентируя государственные расходы и отслеживая финансовый рационализм корпоративного сектора. Такой подход полностью соответствовал правительственному курсу на противодействие неконтролируемому принятию популистских мер и наглядно проявился:

- 1) при рекапитализации банков;
- 2) в вопросе о расширении страхования депозитов;
- 3) в отношении взаимно-сберегательных банков.

В период обострения кризиса, приведшего к ухудшению условий кредитования реального сектора, банки вынуждены были свернуть кредитную активность. Чтобы исправить ситуацию правительство пошло на следующие предпринятые поэтапно шаги. Во-первых, банкам было предложено разработать меры по мобилизации внутренних резервов. Однако такая постановка вопроса не означала, что банки оставлены без внимания государства и брошены на произвол рыночной стихии.

Частные кредитно-финансовые институты могли рассчитывать на средства созданного государством Фонда рекапитализации банков в размере 20 трлн. вон (из них 4 трлн. вон использованы в 1-м квартале 2009 г.). При этом были тщательно прописаны правовые основания для предоставления банкам средств Фонда. Примечательно, что на получение поддержки со стороны Фонда могли рассчитывать также и благополучные в финансовом отношении банки, что благоприятно отражалось на общей атмосфере, складывавшейся на кредитном рынке.

Правительство Республики Корея не последовало примеру европейских стран, увеличивших сумму вкладов, гарантированных правительством. Не повлиял на Сеул и пример Тайваня, взявшего на себя обязательства по гарантированию всех вкладов. Вместо этого правительство предпочло следующие шаги: а) были гарантированы обязательства южнокорейских банков по внешним обязательствам; б) правительство настояло на внутренней санации кредитно-финансовых институтов.

Очевидно, что эта мера смогла сработать на фоне снижающейся коррупции. В противном случае, как показывал недавний южнокорейский опыт, банки всегда находили возможность «убедить регулирующие органы в исчерпании своих внутренних резервов и

острой необходимости получения доступа к внешнему, лучше всего государственному финансированию». Предпринятые же выверенные шаги по поддержке ликвидности банков позволили избежать дополнительных усилий по гарантии вкладов, что могло бы в южнокорейских условиях спровоцировать появление новых рисков в банковско-кредитных институтах.

Поправки, принятые в сентябре 2008 г. в Закон о взаимно-сберегательных банках (ВСБ), изменили порядок их деятельности и позволили создать благоприятные условия для финансового оздоровления этих сберегательных организаций на рыночных принципах. Главная цель принятых поправок состояла в том, чтобы стимулировать их санацию без государственного вмешательства в оперативное управление коммерческими функциями.

С этой целью создавались стимулы для привлечения к санации ВСБ коммерческих кредитных институтов. Например, в случае успешного оздоровления ВСБ путем приобретения их ценных бумаг, инвесторы получали возможность расширять свою деятельность за счет подключения к привилегированным сферам деятельности, в частности, получая допуск к открытию счетов и проведению платежей бюджетных организаций.

Принятые меры дали свои результаты: уже в ноябре 2008 г. Комиссией по регулированию финансовых рынков были одобрены четыре успешные сделки по санации ВСБ. Данный пример весьма показателен с той точки зрения, что в кризисной обстановке принимаемые меры дают наибольший, в том числе долгосрочный, эффект тогда, когда они не направлены на решение штучной проблемы в режиме ручного управления, а подразумевают концептуальные меры, направленные на поддержание функционирования определенной категории рыночных институтов.

Возможности и перспективы решение социальных проблем

Одной из базовых целей антикризисной политики администрации Ли Мен Бака стало намерение погасить тягу к социальному иждивенчеству, симптомы которого зародились при президенте Ким Дэ Чжуне, и значительно разрослись при его приемнике – президенте Но Му Хёне.

В ходе выработки концептуальных решений Ли Мен Бак исходил из тех соображений, что экономический рост не может по настоящему состояться без

становления активного лидерства бизнес-сектора. Эту позицию следует трактовать как фундаментальную установку, разделяемую значительной частью южнокорейской элиты, убежденной, что стратегический рост не может сохраняться в течение длительного периода, будучи подпитываемым только государством, поскольку экономическое развитие приобретает необходимую инерционность, только если оно направляется бизнесом. (На этом фоне неубедительным представляется бытующее в России мнение, что за рубежом уже стерлись концептуальные различия между правым и левым курсом в экономике).

Это прямо противоречит стратегическим установкам предыдущей администрации Но Му Хёна, для которого тема социального равенства преобладала над вопросами экономического развития. При администрациях Ким Дэ Чжуна и Но Му Хёна рост социальных расходов привел к увеличению бюджетного дефицита, поскольку правительство для покрытия необходимых расходов вместо увеличения налогов прибегало к выпуску облигаций, погашение которых требовало все больше средств. В итоге государственный долг в 1997-2007 гг. увеличился в 4 раза – до 300 трлн. вон (хотя это и составило только 30% ВВП)⁵⁹.

Одновременно усиливалось давление на бизнес, особенно крупный, который призван был активнее расширять свое участие в социальных проектах. В этих условиях возродилась практика применения «двойных стандартов», когда появились компании «более и менее виноватые», а также возобновилась, казалось бы ушедшая в прошлое, практика разновеликой ответственности за нарушения, допущенные коммерческими структурами и чиновниками.

В период правления президента Но Му Хёна отмечались случаи, когда компании (в том числе иностранные), находясь под следствием, вносили в правительственные фонды социального развития десятки миллионов долларов. В данном случае, речь шла о пародии на социальное партнерство, а фактически – о государственном рэкете, объясняемым благими пожеланиями. Тогда же предпринимались попытки защиты интересов национального бизнеса путем избирательного расследования уплаты налогов и коммерческой деятельности иностранных конкурентов, что вызвало резкую критику иностранного бизнеса и негативно сказалось на имидже Республики Корея.

---

⁵⁹Chan Jin Kim. Economic Development and Law in Korea. – Seoul: The Catholic University of Korea Press. 2009. P. 259.

Едва ли не главная южнокорейская проблема – неравенство в распределении доходов. Установки президента Но Му Хёна, его стремление заставить бизнес «делиться» снискали ему популярность у лиц с низкими доходами и части общества с «левыми» установками. Тем не менее, на практике добиться решающего перелома в преодолении неравенства в распределении доходов не удалось.

Коэффициент Джини, снизившись в 1982-1993 гг. с 0.309 до 0.281, затем в период 1994-1996 гг. оставался на относительно стабильном уровне. В период кризиса 1997-1998 гг. данный коэффициент повысился с 0.283 до 0.316. К 2006 г. администрации Но Му Хёна удалось понизить этот показатель до 0.298. Однако он оставался выше, чем накануне кризиса 1997-1998 гг., а общий коэффициент Джини (с учетом сельских жителей рассчитывается с 2003 г.) составил тогда же 0.316⁶⁰.

На этом фоне в обществе нарастало социальное напряжение, поскольку разные группы населения настаивали на своей версии социальной справедливости, отказываясь от компромиссных решений.

Еще одной стратегической проблемой является устойчивый процесс снижения рождаемости и старения населения. При сохранении сложившихся тенденций средний возраст в Республике Корея может увеличиться с 35 лет в 2005 г. до 54 лет в 2050 г. (возможно, это будет самый высокий показатель в мире), что резко ухудшит социально-экономическую ситуацию в стране. В этих условиях пенсионная система может начать быстро деградировать, а затем перейти в стадию кризиса, оказавшись не способной выполнять свои обязательства⁶¹. Реформа самой пенсионной системы, функционирование которой вызывает много замечаний, способна снять ряд нареканий.

Другая часть проблем может найти решение при условии повышения эффективности южнокорейской экономики. Она имеет значительный потенциал роста эффективности производства. Так, данные предкризисного 2007 г. по производительности труда в США составляли 52.4 долл./час, Франции – 52.7 долл./час, тогда как в Республике Корея – всего 22.2 долл./час⁶². Среди стран ОЭСР ниже показатели только у Мексики, Польши и Турции.

Общий показатель производительности труда и капитала (ПТК) в Республике Корея ниже, чем средние показатели стран ОЭСР и показатели Тайваня и Гонконга.

---

⁶⁰Ibid., P. 272.

⁶¹T.R. Klassen, Jae-Jin Yang. Population aging and income security // Retirement, Work and Pensions in Aging Korea / Ed. By Jae-Jing Yang and Thomas R. Klassen. – N.Y.: Routledge, 2010, P. 4.

⁶²Chan Jin Kim. Economic Development and Law in Korea, P. 272.

Причем в южнокорейской промышленности уровень производительности труда и капитала сравним или даже выше аналогичных данных по странам ОЭСР, но в сфере услуг он существенно ниже.

Для повышения показателя ПТК необходимы инвестиции, но при этом важна их структура. Так, в 1990-е годы при общем росте инвестиций снижалась их доля, направляемая в обновление производственных мощностей, поскольку значительные средства шли в строительство, причем не на удовлетворение реального спроса на строительные объекты и на развитие инфраструктуры, а с целью спекулятивных операций с недвижимостью, надувая «спекулятивный пузырь».

На строительство приходится 12% ВВП Южной Кореи, тогда как у большинства индустриальных и развивающихся стран по данным ЮНКТАД этот показатель колеблется в пределах 3%-10%. Поэтому роль строительной отрасли в экономике можно считать чрезмерной, хотя многие эксперты считают необходимым поддержать развитие строительной отрасли и такие настроения разделяют в администрации Ли Мен Бака⁶³.

Таким образом, перед Республикой Кореей встает не просто задача преодоления последствий мирового кризиса и возвращения на траекторию динамичного развития. Не допустив отрицательных показателей в 2009 г., добившись прироста ВВП на 6% в 2010 г. и 5% в 2011 г. правительство реализовало свою программу-минимум. Однако на повестке дня остается вопрос обеспечения нового качества роста, достижения и уверенного поддержания высоких социальных стандартов, а также разделения бремени не только внутренних, но и международных обязательств в рамках ответственного лидерства (не популизма).

Трудности на пути к «ответственному росту»

Президент Ли Мен Бак, связав будущее Республики Корея с концепцией «зеленого роста», выдвинул стратегическую задачу перехода экономики на инновационную модель развития, подразумевающую медицинские, образовательные, социальные, потребительские и экологические стандарты, позволяющие говорить о формировании качественно новой жизненной среды.

Формально речь идет об удвоении к 2020 г. душевого дохода, составившего в предкризисный 2007 г. 20 тыс. долл. (в 2008-2010 гг. изменения этого показателя

---

⁶³Ibid., P. 282.

определялись скорее колебаниями валютных курсов, чем реальной экономической динамикой). По сути, подразумевается постановка задач, выходящих за рамки собственно сферы потребления (больше и лучшего качества продовольствия, фармацевтики, товаров длительного пользования, жилья). Речь идет о развитии способности южнокорейской экономики через кардинальную модернизацию сферы производства, инфраструктуры, науки, образования, здравоохранения и рекреации предложить рынку товары и услуги принципиально нового качества.

При этом необходимо одновременное содействие формированию адекватных потребительских предпочтений и увеличению масштабов потребительского спроса соответствующего качества. А для этого требуется дальнейшее развитие культуры, гуманитарной сферы и совершенствование социально-политических процессов. Конечный итог должен быть двойственным: с одной стороны, создать внутренний спрос такого масштаба, который бы на долгую перспективу стал основой высоких темпов инновационного роста. С другой стороны, качественно новое состояние южнокорейской экономики должно кардинально улучшить ее конкурентоспособность.

Выбирая пути развития, Республике Корея необходимо найти возможность встроиться в наиболее перспективные для нее глобальные процессы. Особенно это важно с точки зрения развития южнокорейской инновационной системы, которая нуждается в новых ориентирах. Политика научно-технологических заимствований дала положительные результаты, однако продолжение движения по уже проторенной дороге не обещает заметных прорывов.

Объем инвестиций, направляемых в инновации, с точки зрения количественных показателей (3% ВВП) достиг высоких международных стандартов. Большой опыт накоплен в области государственно-частного научного партнерства. Научным исследованиям необходимо приобрести не только интернациональный характер (этот процесс уже происходит). Эксперты отмечают, что постановке научных задач до сих пор не хватает глобальности. Подчас научный поиск все еще ведется исходя из приоритета «корейских перспектив», что заведомо снижает результативность инновационной системы⁶⁴. Отсюда – задача формирования в исследовательской среде (среди ученых, менеджеров, финансистов) не только готовности работать в рамках международных проектов, но и глобального кругозора при постановке и в ходе решения проектных задач.

---

⁶⁴М. Hemmert. The Korean Innovation System: From Industrial Catch-up to Technological Leadership? // Innovation and Technology in Korea. Challenges of a Newly Advanced Economy. – Hiedelberg, Physica-Verlag, 2007, P. 30-31.

Претензии Республики Корея на вхождение в «клуб» ведущих мировых держав могут базироваться на фундаменте передовой инновационной экономики и развитой гуманитарной сферы, являющейся залогом высокого уровня человеческих ресурсов. Такая амбициозная задача и может быть трактуема как претензия на разделение бремени **ответственного лидерства**. Ответственного – как перед своими гражданами, так и перед мировым сообществом, которому Республика Корея намерена предложить весомые аргументы в свою пользу: экономический рост при снижении нагрузки на окружающую среду, высококачественные товары и услуги с новыми потребительскими свойствами, меняющимися представления о работе и отдыхе, достижения в области науки и культуры.

Такая программа едва ли является плодом исследований отдельных научных центров, политиков или партий. Это, скорее, осознанный выбор южнокорейских элит. Если обозначенных целей не удастся достичь, то весьма вероятен пессимистический сценарий эволюции страны. Социально-экономическое развитие на существующей индустриальной и инфраструктурной базе, хотя и продолжится еще длительный период, но постепенно будет затухать. Это означает вызов стратегическим перспективам страны. Возможность не только догнать научно-технологический уровень Японии, но даже приблизиться к нему становится трудноразрешимой задачей.

С другой стороны, с каждым годом южнокорейским компаниям придется считаться с усиливающимся конкурентным давлением со стороны Китая с его резервами дешевой рабочей силы и быстро растущим внутренним рынком. Традиционная промышленная продукция будет становиться все более неконкурентоспособной, проигрывая аналогичным товарам из КНР. В конечном итоге, Республика Корея может оказаться одним из подсобных производств «китайской мастерской». Завершают картину страны АСЕАН, наиболее продвинутым из которых (например, Малайзии) в перспективе по силам бросить вызов Республике Корея в производстве некоторых видов электроники.

В этих условиях проблема выживания может приобрести для южнокорейской экономики не отвлеченный теоретический смысл, а актуальное практическое значение.

Отсюда востребованность комплексной модернизации (промышленности, инфраструктуры, сельского хозяйства), новых подходов к развитию инновационных систем. Дискуссия в южнокорейских политических и экспертных кругах касается не столько определения стратегических целей, сколько путей их достижения.

Духовные наследники покойного президента Но Му Хёна связывают перспективы страны с курсом на достижение своего рода социального равновесия, а, значит,

подразумевают сохранение в том или ином виде участие государства в социально-экономических процессах.

Ли Мен Бак и его сторонники отстаивают либеральные принципы, которые администрация президента активно реализует на практике. Курс социально-экономических преобразований (ЛМБномикс, сокращение возникло от имени президента) – приоритет экономических решений: малое правительство, низкие налоги, реформы, ориентированные на усиление рыночной конкуренции и укрепление благоприятного климата для бизнеса.

Аргументируя свою политику, правительство делает упор не на идеологических доводах, а на прагматичных оценках. В целом, именно прагматичные соображения, а не какая-либо специально сформулированная национальная идея получают растущий отклик в современном южнокорейском обществе, а потому становятся мобилизующим фактором. Другой вопрос, удастся ли преемникам Ли Мен Бака если не увеличить, то хотя бы сохранить число своих сторонников в преддверии президентских выборов 2012 г., поскольку предложенный нынешней администрацией курс вызывает недовольство в некоторых влиятельных слоях общества. Прежде всего, у представителей бюрократии.

Одной из основ новой стратегии – сокращение роли правительства, уменьшения численности госслужащих, как в центральном аппарате, так и на региональном уровне. В качестве первого шага заявлена цель – добиться сокращения расходов на содержание правительства на 10%. Дальнейшие аналогичные меры могут угрожать благополучию растущего числа чиновничества. Однако в спорах по этому поводу у правительства есть аргументы (продолжение борьбы с коррупционными связями – один из них), которые с большой долей вероятностью будут поддержаны избирателями.

Гораздо сложнее аргументировать другие шаги, которые можно трактовать как уступки в пользу крупных бизнес-групп или иностранного капитала. В своем нынешнем виде правовые нормы дают менеджерам возможность предпринимать шаги, предотвращающие враждебные поглощения, в том числе иностранными компаниями. Правительство пытается скорректировать законодательство, позволяющие менеджменту противостоять угрозе слияний и поглощений, чтобы стимулировать стратегические инвестиции – будь-то внутренние или зарубежные.

Другим непопулярным шагом правительства является стремление содействовать развитию финансового сектора за счет разрешения чэболь создавать кредитные институты, включая банки. Банкиры-чэболь остаются пугающим образом для

значительного слоя избирателей, которые опасаются доминирования крупного бизнеса в жизни страны.

Хотя администрация Ли Мен Бака выдвигает убедительные аргументы в пользу своих планов развития страны, некоторые аспекты намечаемых изменений, вызывают в обществе активные дискуссии. Если с конечными целями соглашается подавляющее большинство, то предлагаемые в ближайшей перспективе меры устраивают далеко не всех. Так, с одной стороны, сложился консенсус относительно потребности в реформах в социальной сфере, включая здравоохранение. С другой стороны, предложенная на практике возможность выбирать между государственной и частной медициной рассматривается как банальная уступка в пользу платного медицинского обслуживания.

Международные аспекты «зеленого роста»

Приоритетом внешнеэкономической политики Республики Корея в период и после глобального экономического кризиса стало стремление подтолкнуть тихоокеанских партнеров к реализации мер, обеспечивающих поддержание экономического роста и расширение регионального спроса. Естественным продолжением внутренних приоритетов является последовательное отстаивание принципов либерализации мировой торговли и негативное отношение к предложениям, подразумевающим в том или ином виде ограничение действия рыночных принципов.

Поэтому Республика Корея (особенно жестко при администрации Ли Мен Бака) противостоит попыткам реализовать на практике усиление роли государства во внешнеэкономических связях: на всех региональных и глобальных форумах Сеул настойчиво добивается принятия заявлений о безоговорочном противодействии протекционизму в любых его видах.

В тихоокеанском регионе Республика Корея остается сторонником провозглашенной на саммите АТЭС в 2010 г. (г. Иокогама) идеи превращения этого форума в «единую зону свободной торговли» путем сближения тихоокеанских экономик посредством формирования общего подхода к развитию внешнеэкономических связей и адаптации к этому сформировавшихся в регионе зон свободной торговли.

В данном контексте этапными для Сеула стали два события: ратификация американо-южнокорейского соглашения о свободной торговле в конце 2011 г. и более

раннее (в мае 2011 г.) достижение договоренностей с КНР и Японией (на которых приходится около 40% внешнеторгового оборота Республики Корея) о намерении подписать трехстороннее соглашение о свободной торговле.

При этом Сеул исходит из того, что региональные решения могут быть весьма полезны только тогда, когда они вписываются в стратегию глобального развития. Так, Республика Корея разделяет ожидания относительно того, что Китай и другие развивающиеся экономики могут существенно поддержать мировой рост, однако надежды на выход из глобального кризиса связывает с восстановлением американской экономики.

Отсюда проистекает сбалансированный подход Республики Корея при обсуждении проблемы стабилизации мировой валютной системы. Учитывая привязку мировой торговли к американской валюте, ее роль в международных резервах, Сеул не склонен поддерживать предложения, подразумевающие резкие изменения, способные дестабилизировать существующую валютную систему.

Вместе с тем в Республике Корея считают, что изменение баланса сил в мировой экономике должно сопровождаться постепенной корректировкой валютной сферы, первоначально на региональном уровне. В этом плане Республика Корея положительно оценивает международные своповые соглашения, позволившие во время кризиса оперативно привести в равновесие колебания валютного спроса и предложения.

С другой стороны, РК ожидает, что страны, претендующие на увеличение своей внешнеэкономической роли, и чья валютная политика оказывает заметное влияние на мировую торговлю, включая Китай, должны демонстрировать **повышенную ответственность** при принятии экономических решений. С этой точки зрения, поддержание заниженного курса китайской валюты может быть рассмотрено как проявление протекционизма.

Республика Корея значительно уступает по экономической мощи своим соседям (Китаю и Японии) и ей, естественно, трудно претендовать на всеобъемлющее региональное лидерство, не говоря уже о глобальном. Тем не менее, южнокорейские претензии на заметную роль в региональной и мировой экономике не лишены основания.

Именно с расширением внешнеэкономических связей, с активным участием в региональных интеграционных процессах Сеул связывает решение стратегических задач. Во-первых, речь идет о переходе на новый уровень инновационного развития – на «зеленый рост» (концепция, разделяемая партнерами по АТЭС). Во-вторых, в рамках

международных соглашений есть возможность более твердо отстаивать принципиальные экономические интересы страны, а в конечном итоге – ее суверенитет.

Республика Корея как участник международного диалога имеет весомые позиции. Она является ведущим мировым экспортером ряда промышленных товаров (электроники, морских судов, автомобилей). У нее отсутствуют наследие колониаторского и экспансионистского прошлого (Япония) и подозрительные внешнеполитические амбиции в настоящем. Сотрудничество с США, Китаем, Японией и ЕС сбалансировано (РК первая из стран Тихоокеанской Азии заключила с ЕС договор о свободной торговле).

Она способна продемонстрировать азиатским партнерам то, что не могут пока предложить ни Китай, ни АСЕАН – впечатляющий успех рыночной экономики при укрепляющейся демократии, отступающей коррупции и культурном ренессансе.

На этой почве повышается международный авторитет страны (о чем свидетельствуют, например, проведение форума «двадцатки» в Сеуле в 2010 г. и намеченный на март 2012 г. «ядерный саммит» – также в Сеуле). На этой же основе выстраивается долгосрочная стратегия **ответственного роста** Республики Корея.

Е.А. Канаев

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: СРЕДНЕСРОЧНЫЙ СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ

В среднесрочной перспективе Юго-Восточная Азия как международно-политический субрегион⁶⁵ будет оставаться неотъемлемой частью общности стран, объединенных тенденциями региональной интеграции, одновременно испытывая возрастающее воздействие со стороны наиболее влиятельных «внешних» региональных игроков. Это будет задавать параметры подхода как отдельных стран ЮВА, так и объединяющей их Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) к актуальным для субрегиона вызовам. Основными из них станут следующие.

Первый – рост численности населения. Сейчас в ЮВА проживает порядка 590 млн. человек. В течение следующих 10-15 лет эта цифра, скорее всего, легко сможет преодолеть рубеж в 700 млн. чел. Это будет объективно подталкивать Ассоциацию к стимулированию притока иностранных инвестиций, поиску новых источников роста и способов снятия социального напряжения, а также к расширению доступа к источникам энергии и технологиям, позволяющим одновременно трудоустроить максимальное количество людей и создавать экономику инноваций.

Второй – превращение Китая в главного конкурента асеановских производителей на рынках готовой продукции. Отсюда – потребность в повышении мировой конкурентоспособности товаров, произведенных в зоне АСЕАН, что проблематично без проведения дорогостоящих мероприятий по развитию производственной инфраструктуры, главным образом – транспортной.

Третий – рост конкурентности интересов Китая и США в ЮВА. Пытаясь купировать эту тенденцию, АСЕАН понимает уже сейчас, что формирование новых площадок многостороннего диалога едва ли будет способно снизить остроту этих противоречий. Следовательно, по линии многосторонних диалоговых форматов она будет действовать в рамках уже существующих структур, а не создавать новые.

В целом, приоритетные направления политики АСЕАН кардинальных перемен не претерпят. Ими будут оставаться:

---

⁶⁵В Юго-Восточной Азии расположены Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Бруней, Таиланд, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма и Восточный Тимор. В Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) входят все перечисленные государства, кроме Восточного Тимора.

- Стимулирование процессов интеграции стран ЮВА.
- Участие в деятельности региональных площадок многостороннего диалога.
- Оптимизация отношений с партнерами по диалогу.

Все это будет оказывать немаловажное влияние на отношения между АСЕАН и Российской Федерацией, определяя их общий характер, темпы развития и основные направления.

Интеграционные процессы в ЮВА

Основной проект интеграции стран азиатского юго-востока, осуществляемый Ассоциацией, – формирование к 2015 г. Сообщества АСЕАН. Как предполагается, оно будет состоять из трех отдельных, но тесно взаимосвязанных направлений по вопросам экономики, политики и безопасности и социо-культурного развития. С реализацией этого проекта АСЕАН связывает перспективу повышения собственной конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности, а, следовательно, и своего международного статуса.

Думается, однако, что к намеченному сроку осуществить все запланированное Ассоциации не удастся. Основания для таких оценок следующие.

Так, по линии формирования *экономического сообщества* создание в ЮВА единого рынка и единой производственной базы как его ключевой характеристики⁶⁶ затруднено рядом факторов. В их числе:

✿ Разный уровень развития инфраструктуры в странах Ассоциации. Отсюда – различная степень готовности отдельных стран участвовать в реализации «общеасеановских» инфраструктурных проектов, а, следовательно – вероятных пробуксовок в формировании экономической «взаимосвязанности» субрегиона.

Наиболее ярко это проявляется на примере транспортной инфраструктуры. Так, если на конец первого десятилетия XXI в. асфальтированные дороги в Малайзии и Таиланде составляли 80% и 98% от их общего количества, то в Мьянме и Камбодже – всего 12% и 6%, соответственно (цифры округлены)⁶⁷.

⁶⁶ ASEAN Economic Community Blueprint (<http://www.asean.org/21083.pdf>).

⁶⁷ ASEAN Economic Bulletin. – Singapore, 2010. – Vol. 27. – № 2. – P. 204.

Не менее показательна ситуация и с развитием портовой инфраструктуры. Так, в 2011 г. по такому критерию, как индекс коннективности линейного судоходства (*Liner Shipping Connectivity Index*), который отражает как объемы контейнерных перевозок, так и – шире – степень вовлеченности стран и территорий в мировую морскую торговлю, Сингапур и Малайзия заняли 3-е и 7-е места, а Вьетнам, Индонезия и Камбоджа – 20-е, 45-е и 118-е места, соответственно⁶⁸. В будущем эти дисбалансы с высокой долей вероятности усилятся.

✿ Слабая связка «государство – частный бизнес». Подключение частного бизнеса к реализации трансграничных проектов будет происходить более медленными темпами, чем того требуют задачи формирования Сообщества. Основная причина – деловые круги ряда стран зачастую слабо информированы об открывающихся перед ними возможностях, равно как и о том, каким образом «вписать» свои приоритеты в проводимую государством политику.

Это касается и рядовых работников многих сегментов бизнеса. Например, согласно одному из проведенных в Таиланде маркетинговых исследований, сотрудники почти 80% малых и средних предприятий имеют весьма отдаленное представление о том, что такое экономическое сообщество АСЕАН⁶⁹. При сохранении нынешних тенденций ожидать кардинального изменения ситуации в обозримой перспективе оснований не слишком много.

✿ Исторически сложившийся разноскоростной режим подключения различных стран к интеграционным процессам. Отсюда – их разная готовность устранить не только тарифные барьеры, но и нетарифные ограничения, двигаться по пути выработки единой стандартизации торгуемых товаров, налаживать связи между предприятиями и пр. За время, оставшееся до 2015 г., изменить эту ситуацию вряд ли удастся.

Нарастание пробуксовок будет характерной чертой и формирования *политического сообщества и сообщества в сфере безопасности* по двум основным причинам.

---

⁶⁸Annex VI. UNCTAD Liner Shipping Connectivity Index, as at 1 January 2011. // United Nations Conference on Trade and Development. Review of Maritime Transport 2011. – New York and Geneva, 2011. – P. 204-208.

⁶⁹PM: SMEs Must Get Ready. Bangkok Post. 11.03.2011 (<http://www.bangkokpost.com/business/economics/226079/pm-smes-must-get-ready>).

Первая из них – Ассоциации с высокой долей вероятности не удастся выработать единую позицию по ряду актуальных проблем ЮВА во взаимодействии с «внешними» партнерами. Наиболее важными из таких проблем будут:

- противоречия, связанные с Южно-Китайским морем,
- препятствия на пути формирования Зоны, свободной от ядерного оружия в ЮВА,
- угрозы безопасности морских коммуникаций и навигации.

Вторая причина – слабость выработанных Ассоциацией механизмов урегулирования противоречий между входящими в нее странами. Как представляется, ожидать «прорывных» результатов от созданного ассоциированными государствами Института мира и примирения, деятельность которого будет нацелена на формирование культуры мирного сосуществования (*promote a culture of peace*)⁷⁰, было бы не вполне правомерно.

Наконец, *социокультурное сообщество* АСЕАН, по крайней мере – в том виде, как это зафиксировано в соответствующих документах Ассоциации, в 2015 г. останется все еще благим пожеланием:

- ✓ Реализация большинства прописанных мероприятий предполагает *кардинальные* перемены общественной жизни и государственного устройства в большинстве стран ЮВА, к чему они объективно пока не готовы.
- ✓ Будут нарастать пробуксовки по линии формирования асеановской идентичности. Люди по-прежнему воспринимают себя как граждан отдельных стран, с сохранением некоторых не самых лучших стереотипов в отношении друг друга, а не как принадлежащих к некоему «общеасеановскому» культурно-гуманитарному пространству.

В итоге – *социокультурное сообщество* АСЕАН с высокой долей вероятности останется «проектом элит, а не народов» стран ЮВА. Широкой поддержки «снизу» он не получит.

В таких условиях пересмотру подвергнутся как сроки реализации этих проектов, так и само их содержание. Наиболее вероятный сценарий – в 2015 г. лидеры АСЕАН

---

⁷⁰ASEAN Leader's Joint Statement on the Establishment of an ASEAN Institute for Peace and Reconciliation (http://www.asean.org/Joint_Statement_IPR.pdf).

заявят о частичном выполнении поставленных задач, отложив то, что не выполнено, на неопределенное время.

После 2015 г. интеграция стран АСЕАН будет, как и раньше, развиваться в *разноскоростном* режиме. Новым компонентом станет то, что «внутриасеановские» процессы будут испытывать возрастающее влияние со стороны многосторонних диалоговых форматов с участием как отдельных государств субрегиона, так и Ассоциации как коллективного целого.

АСЕАН и площадки многостороннего диалога в АТР и Тихоокеанской Азии

Участие АСЕАН в деятельности площадок многостороннего диалога в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Тихоокеанской Азии⁷¹ будет оставаться центральным направлением ее международной политики. Вместе с тем, создание Ассоциацией новых диалоговых форматов выглядит маловероятно – скорее, логично ожидать корректировки ее политики в отношении уже существующих структур. На этом направлении стратегия АСЕАН будет носить двудеиный характер и заключаться в том, чтобы:

- не допустить деструктивного воздействия на свои интересы со стороны тех площадок многостороннего сотрудничества, где она не присутствует как единое целое;
- консолидировать и укрепить свои позиции в тех многосторонних форматах, «движущей силой» которых она является.

Во взаимодействии АСЕАН с форумом Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и проектом Транстихоокеанское партнерство (ТПП) вероятна активизация центробежных тенденций. Применительно к АТЭС, выделим следующие моменты.

✳ Формирование Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) как основного перспективного проекта АТЭС во многом идет вразрез с целью АСЕАН сформировать экономическое сообщество стран ЮВА. Ведь АТЗСТ предполагает участие

---

⁷¹ О содержании понятия «Тихоокеанская Азия» см.: Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса. / Отв. ред. В.Б. Амиров и др. – М., ИМЭМО РАН, 2010. – С.4-5.

не всех ассоциированных государств, а лишь некоторых из них, причем – наиболее экономически развитых.

✿ АСЕАН не станет «движущей силой» АТЭС, определяющей направления и динамику ее развития.

✿ Движение по пути создания Сообщества АТЭС будет составлять конкуренцию планам АСЕАН по формированию собственного Сообщества – хотя бы потому, что такие проекты предполагают выработку общей идентичности их участников, а Лаос, Камбоджа и Мьянма в состав АТЭС не входят и в среднесрочной перспективе вряд ли войдут.

Первые два фактора обусловят сдержанно-негативное отношение АСЕАН и к проекту ТТП. Дополнительным моментом станет то, что АСЕАН будет испытывать нарастание своего рода «исчерпанности исходных ожиданий» применительно к перспективе ускоренной либерализации рынков – а основной приоритет проекта ТТП заключается именно в этом. С учетом этого АСЕАН предпочтет проводить курс на избирательное участие в таком сотрудничестве.

Применительно же к тем многосторонним форматам, где АСЕАН является «движущей силой», логично ожидать в подходе Ассоциации своеобразного «разделения» вопросов военно-политического и экономического сотрудничества.

В сфере политического и военного взаимодействия Ассоциация будет выстраивать своеобразную «пирамидальную» систему.

На ее «вершине» будет расположен Восточноазиатский саммит. А двумя «углами» у основания станут:

- совещание министров обороны АСЕАН+8. Его деятельность будет определяться результатами как непосредственно встреч министров обороны 18 государств, так и работы профильных экспертных групп;
- Региональный форум АСЕАН (АРФ). Он будет проводить мониторинг стратегической ситуации и обсуждение назревших вопросов по линии МИД стран-участниц.

Рис. 1. «Пирамида» АСЕАН: политический и военный вектор.

Следует особо отметить перспективу повышения роли АРФ в иерархии асеановских приоритетов. При варианте нарастания американо-китайских противоречий Форум может послужить важным дополнительным каналом регулярного общения глав внешнеполитических ведомств его участников, прежде всего – Вашингтона и Пекина. А то, что именно АСЕАН будет оставаться движущей силой АРФ, даст возможность Ассоциации позиционировать Форум как нейтральный диалоговый формат, не отстаивающий интересы Пекина или Вашингтона, а, следовательно – укрепит ее международные позиции.

Вместе с тем, Ассоциации придется приложить немало усилий для того, чтобы как «подпорки», так и «вершина» этой системы служили усилению ее устойчивости, а не разбалансировке. Следовательно, перед асеановской дипломатией будет стоять спектр более сложных и масштабных задач, чем это было до сих пор.

Приоритетными для АСЕАН форматами проработки вопросов экономического сотрудничества, скорее всего, станут АСЕАН+1 и АСЕАН+3. В рамках последней структуры актуальной для Ассоциации задачей станет купирование нарастания т.н. «двойной зависимости» от партнеров из СВА. Ее проявления таковы.

✚ *Усиление зависимости АСЕАН от стран СВА.* Так, доля АСЕАН в созданном в 2009 г. Восточноазиатском валютном пуле составляет всего 20%, а в рисовом

фонде, созданном тринадцатью государствами в 2011 г. – 11%⁷². При сохранении нынешних тенденций перспектива углубления такого «перекоса» выглядит реальной.

✚ *Усиление зависимости АСЕАН от Китая.* В обозримом будущем есть основания ожидать роста влияния китайского фактора на определение общей стратегии и реальной практики экономического взаимодействия тринадцати государств, а, следовательно – на дальнейшую эволюцию этой диалоговой площадки.

Однако в целом, процессы многостороннего регионального сотрудничества вряд ли приведут к ослаблению асеановских позиций. Основная причина – это объективно не выгодно многим ведущим партнерам Ассоциации. Следовательно, она с высокой долей вероятности сможет купировать негативное для себя влияние со стороны АТЭС и ТТП, а также не только сохранить, но и, очень возможно, повысить свой статус как модератора ряда региональных диалоговых форматов.

Отношения с партнерами по диалогу

На данном направлении приоритетными вопросами, определяющими политику АСЕАН, будут оставаться два следующих:

- Каким образом скажется на судьбе ЮВА складывание там «мини-биполярной» системы, двумя полюсами которой являются США и Китай?
- Это облегчит или усложнит АСЕАН задачу формирования такой международной среды в субрегионе, при которой противоречия между ее основными партнерами не примут заведомо деструктивные формы?

Перед тем, как переходить непосредственно к стратегии АСЕАН, рассмотрим эти вопросы по порядку.

Итак, первый вопрос – что для асеановских интересов стоит за медленным, но верным выравниванием потенциалов США и Китая в ЮВА? Думается, что это – рост конкурентности их интересов в этом субрегионе, тем более, что именно через его воды

---

⁷²Подробнее см.: Амиров В. Истоки и эволюция Чиангмайской инициативы. // Международная жизнь. – М., 2010. - № 10. – С. 49-55; ASEAN +3 Ministers Sign MoU on Agriculture, Forestry. Xinhua. 08.10.2011 (<http://www.asean-cn.org/Item/3763.aspx>).

пролегают основные судоходные пути, имеющие принципиальное значение для Пекина и Вашингтона.

А эскалация проблемы Южно-Китайского моря в китайско-американских отношениях в 2010-2011 гг. наглядно продемонстрировала Ассоциации, что события могут начать развиваться по трудно прогнозируемому сценарию, и что собственный «запас прочности», чтобы удерживать ситуацию в контролируемом русле, у нее невелик.

Применительно ко второму вопросу, представляется логичным ожидать сужения спектра возможностей, которыми обладает Ассоциация для формирования благоприятной для себя региональной среды. Ведь чтобы преуспеть в этом, ей объективно необходимо *расширение* сфер соприкосновения интересов США и Китая. А в условиях роста *конкурентности* этих интересов логично ожидать обратного.

С учетом этих факторов, АСЕАН будет пытаться сохранить существовавшую «трехъярусную» модель взаимодействия с основными партнерами по диалогу, проводя для этого двухвекторную стратегию. Рассмотрим подробно эти моменты.

В самом общем виде эта «трехъярусная» модель такова. На ее верхнем ярусе располагаются США, на среднем – Китай, а на нижнем – остальные значимые для АСЕАН региональные игроки – Япония, Южная Корея, Индия, Россия и Австралия.

**Рис. 2. Взаимодействие АСЕАН с партнерами по диалогу:
трехъярусная модель**

Япония, Южная Корея, Индия, Россия, Австралия

Рассмотрим, почему такой расклад сил отвечает интересам АСЕАН.

На первом ярусе – США. АСЕАН это устраивает потому, что:

✓ США расположены *далеко* от ЮВА. А это означает, что у Вашингтона нет и с высокой долей вероятности не будет территориальных споров со странами субрегиона, воспринимаемых последними очень болезненно.

✓ История показала, что только США могут *на длительное время* обеспечить региональную стабильность, необходимую для сохранения геоэкономической парадигмы развития ЮВА. В активе того же Китая это присутствует применительно лишь к *короткому* временному периоду – в период азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. и в течение нескольких лет сразу после него.

✓ В отношениях между странами ЮВА и США отсутствуют исторические фобии, характерные для их восприятия Китая. Тем более, что недавние призывы руководителей КНР к своему ВМФ «готовиться к войне»⁷³ не могут остаться незамеченными в странах азиатского юго-востока.

Второй ярус отведен Китаю. АСЕАН будет стремиться удержать его на высоком, но не высшем уровне, ведь это – гарантия недопущения того, что его противоречия с США будут проецироваться на ЮВА в острых, деструктивных формах. Однако при этом Ассоциация будет объективно вынуждена учитывать три важных взаимосвязанных фактора.

✓ Экономические возможности США с высокой долей вероятности будут сужаться, а Китая – наоборот, расширяться. А это означает, что экономическое благополучие стран ЮВА, прежде всего – государств Индокитая, будет – хочет того АСЕАН или нет – испытывать возрастающую зависимость от состояния китайской экономики.

✓ При сохранении нынешних темпов экономического развития КНР модернизация ВМФ НОАК, скорее всего, ускорится. А это означает, что Китай уже не будет «делегировать» американскому флоту функции защиты морских коммуникаций через воды ЮВА, в настоящее время пропускающие порядка 80% китайского нефтеимпорта⁷⁴.

---

⁷³Saiget R. China's Hu Urges Navy to Prepare for Combat. 6.12.2011 (<http://news.yahoo.com/chinas-hu-urges-navy-prepare-combat-160509787.html>).

⁷⁴Denmark A., Kliman D. Rising China Tests the Waters. Asia Times Online. August 20, 2010 (<http://www.atimes.com/atimes/China/LH20Ad02.html>).

✓ Утверждение Китаем себя уже не как крупной региональной, а глобальной державы. А это предполагает расширение «региональной сферы влияния» – хотя бы из репутационных соображений.

Так что сформировать ситуацию, при которой Китай согласился бы занимать бы «второй» ярус, Ассоциации будет очень непросто. Но даже в случае удачного развития событий консервировать такое положение вещей на достаточно длительное время ей будет еще сложнее.

Третий ярус АСЕАН отводит остальным значимым партнерам по диалогу – Японии, Южной Корее, Индии, Австралии и России. Думается, что в обозримой перспективе их место в приоритетах Ассоциации существенных изменений не претерпит. Однако дальнейшее нарастание ее интереса к взаимодействию с такими партнерами, как Индия и Южная Корея (о России речь пойдет отдельно) вполне реально.

В целом, взаимодействие с третьим ярусом представляет собой, с одной стороны, самостоятельное, а главное – самоценное, направление политики АСЕАН. А с другой – и здесь не избежать растущего влияния состояния взаимоотношений в треугольнике США-КНР-АСЕАН.

Теперь рассмотрим ожидаемую двухвекторную стратегию Ассоциации.

Первым ее вектором будет оставаться *стратегия взаимного вовлечения*. Ее суть – создать такую ситуацию, при которой интересы всех участников «трехъярусной модели» были бы тесным образом переплетены (разумеется, АСЕАН предполагает, что нюансы такого взаимного вовлечения «всех со всеми» будет определять именно она в выгодном для себя ключе).

Вторым вектором можно условно считать *стратегию взаимного сдерживания*. Выстраивая такое сотрудничество, Ассоциация будет стремиться постоянно «подправлять» его отдельные стороны, чтобы не допустить усиления одного или нескольких партнеров в большей степени, чем это отвечает ее приоритетам.

По большому счету, эта стратегия будет во многом напоминать ту, которую Ассоциация традиционно проводила. Однако преуспеть в этом ей будет сложнее, чем раньше – по причине уже упоминавшегося превращения ЮВА в арену повышенной конкурентности китайско-американских интересов.

В таких условиях перспектива того, что Ассоциация в обозримой перспективе сможет повторить свой «камбоджийский триумф» 1980-х гг., когда крупные региональные игроки не только не препятствовали ее усилиям по формированию мирной международной среды в ЮВА, но и наоборот – всячески их поддерживали, выглядит маловероятной.

При сохранении нынешних тенденций Вашингтон и Пекин вряд ли смогут, образно говоря, «прийти к джентльменскому соглашению» относительно некоего негласного «кодекса поведения» в ЮВА и подходов к ее основным проблемам. Соответственно, расчет США на то, что Китай станет «ответственным участником» (responsible stakeholder) мирового и регионального порядка под их «чутким руководством», в ЮВА, скорее всего, не оправдается.

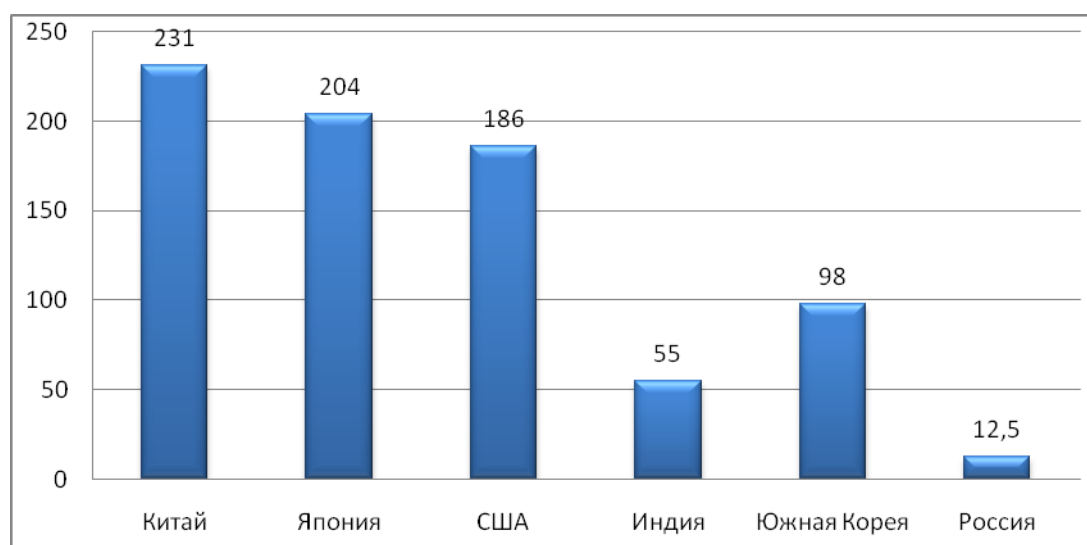
В целом, наиболее реальным сценарием выглядит тот, при котором Ассоциация, подталкиваемая объективными обстоятельствами, продолжит курс на оптимизацию и диверсификацию сложившихся партнерств. Это окажет непосредственное влияние на ее взаимодействие и с Российской Федерацией.

Отношения с Россией

Основные среднесрочные приоритеты российско-асеановских отношений:

■ Увеличение масштабов и повышение качества торгово-экономического сотрудничества. В настоящее время интенсивность таких обменов между АСЕАН и Россией в десять-пятнадцать раз ниже соответствующих показателей в торговле Ассоциации с другими партнерами.

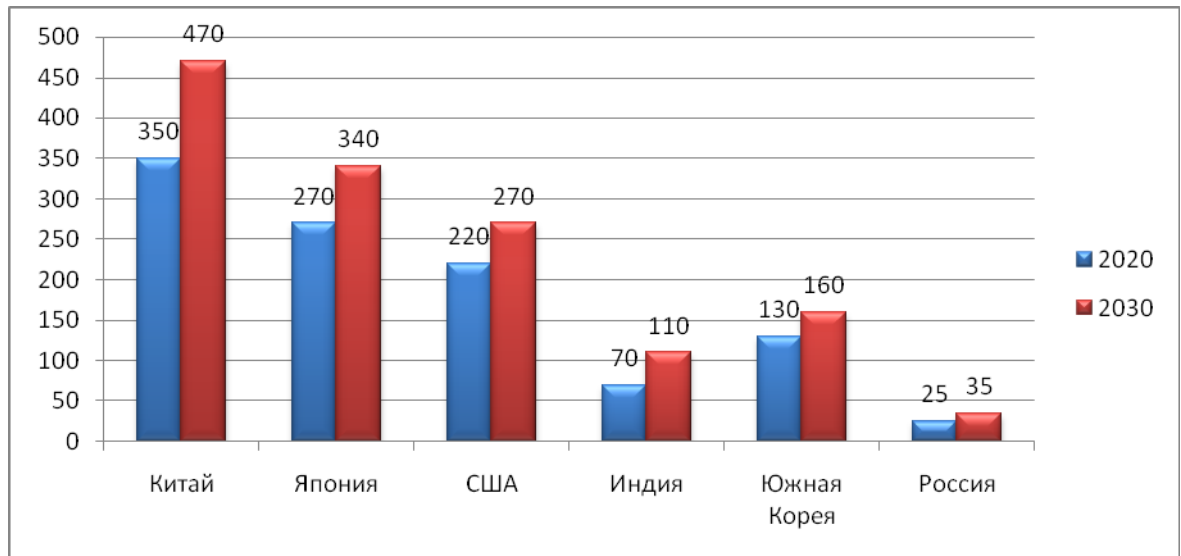
Рис. 3. Торговля АСЕАН с основными партнерами по диалогу (млрд. долл. США, данные округлены), 2010 г.⁷⁵

Это отставание, по всей вероятности, сохранится и в обозримой перспективе, и сократить его – важнейший приоритет российской политики в ЮВА.

⁷⁵См.: Table 4.3. ASEAN Trade with Selected Trade Partner Countries/Regions. // ASEAN Economic Community Chartbook 2011. – Jakarta, 2011. – Р. 20.; С. Лавров: «Россия и АСЕАН должны увеличить объем экономических связей». // Голос России. 22.07.2011 (<http://rus.ruvr.ru/2011/07/22/53581974.html>).

Рис 4. Прогноз объемов торговли АСЕАН с основными партнерами по диалогу (млрд. долларов США, данные округлены)⁷⁶.

✚ Повышение наукоемкого содержания российско-асеановских экономических связей и расширение взаимодействия в высокотехнологичных отраслях – таких, как энергосберегающие технологии, атомная энергетика, аэрокосмическая сфера и пр.

✚ Укрепление «вектора снизу» во взаимодействии сторон. Это – развитие связей между малыми и средними предприятиями, смягчение законодательных ограничений на перемещение рабочей силы, расширение контактов между регионами и пр.

Есть основания ожидать, что в прогнозный период экономические связи АСЕАН и России станут более устойчивыми и разнообразными.

- Ввод в эксплуатацию нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» и экспорт сжиженного газа на рынки стран ЮВА.
- Потребности перевооружения асеановских армий будут работать на упрочение связей по военно-технической линии, тем более что в этой области у РФ и ряда членов АСЕАН уже накоплен позитивный опыт.

⁷⁶Амиров В.Б., Канаев Е.А., Сумский В.В. Юго-Восточная Азия и Австралия. // Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. / под ред. акад. А.А.Дынкина / ИМЭМО РАН. – М.: Магистр, 2011. – С. 399.

- Сферами растущего сотрудничества станут ядерная энергетика, разработка и внедрение в производство инновационных технологий невоенного назначения.
- Проведение саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г. придаст импульс развитию Дальнего Востока, прежде всего – развитию его производственной и социальной инфраструктуры. А это будет способствовать расширению экономических обменов между Россией и странами ЮВА, которые довольно активно присматриваются к возможностям, открывающимся в этой части нашей страны⁷⁷.

Активизация сотрудничества по этим направлениям позволит придать отношениям России с АСЕАН тот комплексный, многомерный характер, которого им до сих пор не хватало. Однако даже при самом оптимистичном сценарии это сотрудничество будет развиваться без драматических «прорывов», постепенно и поэтапно.

Выводы

Оценивая наиболее вероятные тенденции развития Юго-Восточной Азии в среднесрочной исторической перспективе, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в рамках Тихоокеанской Азии и – шире – АТР и отдельные страны ЮВА, и объединяющая их АСЕАН будут оставаться в положении «ведомых». Объективные предпосылки для иного сценария в настоящее время не просматриваются.

Во-вторых, после 2015 г., когда не слишком убедительные результаты формирования Сообщества АСЕАН будут предъявлены внешнему миру, она вступит в период стагнации. В таких условиях вполне вероятно, что Ассоциация поставит себе новую «сверхзадачу», не менее амбициозную, чем создание Сообщества АСЕАН.

В-третьих, нет и предпосылок формирования в Юго-Восточной Азии системы «ответственного лидерства», под которой понимается перспектива формирования стабильной региональной среды усилиями американо-китайского дуумвирата. Это скажется и на международных позициях АСЕАН, объективно сужая спектр ее возможностей в региональной политике.

Такая ситуация подтолкнет АСЕАН к расширению и диверсификации внешних связей, в том числе может быть активизирован российский вектор политики Ассоциации.

---

⁷⁷См., например: Потенциал Дальнего Востока в контексте сотрудничества с Индонезией. // Tanah Air. Kedutaan Besar Republik Indonesia. – М., 2011. – Вып.25. – С. 2.

Отсюда – основания ожидать, что отношения между АСЕАН и Россией будут развиваться в позитивном ключе, с акцентом на сотрудничество в ряде сфер, которые обе стороны считают выгодными и перспективными. Однако этот сценарий будет реализован при соблюдении ключевого условия – если планы российского руководства добиться экономического подъема Сибири и Дальнего Востока не будут расходиться с практическими реалиями.